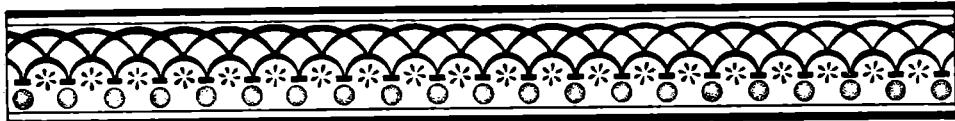

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕМНОН
О ГЕРАКЛЕЕ

ΜΕΜΝΟΝΟΣ
ΠΕΡΙ ΗΡΑΚΛΕΙΑΣ

В. П. Дзагурова

ВВЕДЕНИЕ

Хроника Мемнона «О Гераклее» представляет для советских историков античного мира выдающийся интерес как относительно полно сохранившийся образец громадной, но не дошедшей до нас древней литературы «местных хроник», притом образец, касающийся дел черноморского побережья. Только читая ее, можно составить ясное представление, какую невозместимую утрату для изучающих древнюю историю Причерноморья представляет потеря таких произведений древней исторической науки, как сочинения Сириска, историка Херсонеса Таврического, Деметрия из Каллатиды или тех «историков деяний Митридата», на которых неоднократно ссылается Страбон. Несомненно, местные историки писались также в Ольвии, Пантикапее, Синопе и других крупных городах Причерноморья, если относительно Гераклеи, ничем среди них не выделявшейся, известно, что, кроме Мемнона, она имела и ряд других, предшествовавших ему историков. От произведений двух из них, Геродора, автора «Слова о Геракле» и «Аргонавтики», и Нимфида, написавшего в III в. до н. э. обширные труды по истории родного города и по истории Александра, диадохов и эпигонов, сохранились даже фрагменты¹. Несомненно, что ценнейшие сведения о понтийских делаах в «Политике» Аристотеля (например, о Гераклее), у Полибия, Диодора, Страбона, Помпея Трога (Юстина), Тацита и других древних историков, а отчасти также в периплах, почерпнуты из таких обширных местных исторических произведений.

Хроника Мемнона «О Гераклее» сохранилась лишь частично². Фотий дает экскерпты из IX—XVI книг и в заключение замечает, что ему ничего не известно ни о восьми предыдущих, ни о последующих книгах (Мепн., 60, 6). Впервые текст хроники был издан в 1816 г. Орелли³. Следующее издание принадлежит Мюллеру; оно снабжено латинским переводом, и в нем применена разбивка на «главы», употребленная, повидимому, Фотием (60 «глав»).

Сохранившаяся часть хроники содержит историю Гераклеи от тирании Клеарха (363 г. до н. э.) до эпохи Юлия Цезаря, причем, надо полагать, за XVI книгой следовали еще части — чувствуется незавершенность труда. Однако нет необходимости предполагать, что весь труд состоял из трех больших разделов по восьми книг в каждом (RE, XIII,

¹ F. Jacoby, *Fragmente der griechischen Historiker*, I, 1923, стр. 215; Müller, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, 1849, стр. 12—16.

² FHG, III, 525—558 (Μεμνών Περὶ Ἡράκλεϊς).

³ Orellius, *Memnonis historici excerpta*, Lips.. 1816.

s. v. *Lokal-Chronik*), так как тогда оказалось бы, что эпохе после Юлия Цезаря посвящено восемь книг. Между тем время от Юлия Цезаря до Мемнона вряд ли могло дать содержание для восьми книг, даже если принять точку зрения Т. Рейнака, согласно которому Мемнон жил на рубеже I и II вв. н. э.¹ Лакер же, автор статьи о местных хрониках в RE, склонен поместить Мемнона в число современников Юлия Цезаря; он ставит его на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э., приводя в пользу своей точки зрения данные языка.

В общем можно предполагать, что за XVI книгой должны были последовать лишь несколько глав. Проще, конечно, решается вопрос о первых восьми книгах хроники: Мемнон, по примеру других историков-гераклеотов, вероятно, начал свое повествование с мифических времен.

Хроника содержит богатый материал. В центре внимания автора — Гераклея, но это не мешает ему не раз отклопаться от главной темы. Подобные отступления, не столь частые в IX—X книгах, занимают преобладающее место в XV—XVI книгах. При этом нельзя не отметить, что в первых книгах отступления касаются главным образом вифинских дел (Мешп., 10; 20; 22), которые имели для Гераклеи весьма важное значение, или характеризуют обстановку в государствах диадохов (8, 2, 14); наконец, глава 25 касается преимущественно римских дел. За исключением указанных отступлений, в остальных главах IX—XIV книг речь идет непосредственно о гераклейских делах. В XV—XVI книгах положение иное. Преимущественное внимание уделяется взаимоотношениям Митридата и римлян, войнам Митридата и Тиграна II с римлянами, синопским делам (30—32, 34—37, 39—41, 43—46, 53—58); гераклейские дела занимают скромное место (27—29, 33, 38, 42, 47—52, 59—60). В этой части хроники наибольший интерес представляет описание осады Гераклеи римлянами (47—52), так как Мемнон является единственным источником по этому вопросу.

Вопрос об источниках хроники Мемнона ставился до сих пор лишь один раз Лакером, с мнением которого в основном можно согласиться (Laq u e i g, RE, XIII, 1098—1103). Он считает, что три первые главы Мемнона, посвященные гераклейской тирании, а именно тираннам Клеарху, Сатиру и Тимофею, основаны на труде Теопомпа: и по стилю, и по композиции, и по общему духу морализирования, которым они проникнуты, они соответствуют манере Теопомпа². Интересно яркое противопоставление двух первых тираннов, Клеарха и Сатира, с одной стороны, и сына Клеарха Тимофея — с другой. Если первые в изображении Мемнона являются тираннами в наиболее отвратительном значении этого слова и, будучи крайне жестоки и бесчеловечны, заслужили, по словам Мемнона, столь же жестокую смерть (Клеарх пал от руки убийцы, а Сатир вынужден был отказаться от власти вследствие ужасной болезни), то Тимофея в изображении историка представляет собой образец добродетельного и благородного правителя, которого называли в народе не тираном, но благодетелем и спасителем (Мешп., 3, 1).

Такое противопоставление обеспечивало, надо думать, необходимый эффект, однако автор в данном случае неизбежно сводил все к характеристике героя; поэтому общее положение Гераклеса в эпоху тираний охарактеризовано совершенно недостаточно, и если социальная политика Тимофея получила некоторое освещение, то социальная политика Клеарха

¹ Th. Reinach, *Mithridates Eupator*, Lpz., 1895, стр. 453.

² Laq u e i g сопоставляет ряд фрагментов Теопомпа с Мемноном: Theop., фр. 111, 121 (Jas o b y, FGH, I, 1923) = Мешп., — 2, 1; Theop., фр. 111, 210 = Мешп., 2, 5. Следует отметить, что Jas o b y (FGH, II, 383) сомневается в том, что Теопомп послужил источником для Мемнона.

осталась совершенно незатронутой автором; о ней можно судить лишь благодаря Юстину (XVI, 3—5).

С 4 по 25-ю главу источником для Мемнона служил Нимфид, один из крупнейших гераклейских историков, бывший одновременно государственным деятелем (последняя четверть IV в.— первая половина III в. до н. э.)¹. Нимфид находился в числе гераклейских эмигрантов, которые выехали из Гераклеи около 363 г. в связи с изгнанием тиранном Клеархом массы аристократов; его отец, как можно судить по приведенному у Мюллера выражению из письма Хиона², находился в родстве с тиранном. В конце концов Нимфид возглавил эмигрантов, когда они в 281 г. решили возвратиться на родину (Мешн., 11). Из биографии Нимфида видно, что те части его трудов, которые касались тираннии, должны были быть резко тенденциозны и отличаться открытой враждебностью к тиранни. Источниками Нимфида в данном случае, наряду со старинной историей Гераклеи неизвестного автора, использованной и Эфором (уделившим значительное внимание Гераклею) и Теопомпом, послужила скорее всего памфлетная литература, возникшая в среде гераклейских эмигрантов-аристократов.

Повидимому, наиболее резкому осуждению Нимфида подвергались первые гераклейские тираны, Клеарх и Сатир. Надо полагать, что так же он относился и к Дионисию, в правление которого эмигранты дважды пытались возвратиться на родину и уничтожить там тираннию (Мешн., 4). Они обращались за помощью сначала к Александру, затем к Пердикке, и все это должно было происходить уже на глазах Нимфида. Тем не менее историк должен был сохранить в отношении Дионисия и известную объективность, так как именно этот тиран был основателем гераклейской державы, за восстановление и сохранение которой Нимфид боролся после своего возвращения в Гераклею в 281 г. Надо полагать, что сразу по возвращении Нимфид зарекомендовал себя искусным дипломатом, так как как раз в этот период Гераклея смогла успешно использовать междоусобицу в Вифинии (см. стр. 291, прим. 1). Судя по Мешн., 24, Нимфид сумел договориться с галатами, совершившими свое очередное нападение на Гераклейскую область, употребив наиболее действительное в подобных обстоятельствах средство — золото.

Тенденциозность труда Нимфида выступает особенно ярко в тех случаях, когда он пытается представить, будто Гераклея процветала и благоденствовала до тираннии и граждане ее пользовались всеми благами демократии (Мешн., 9), тогда как на самом деле установление тираннии было обусловлено остройшим социальным кризисом в государстве, причем до этого власть находилась в руках олигархов (Иуст., XVI, 4). Изображенная Нимфидом (Мешн., 9) картина демократического строя Гераклеи, вновь восстановленного с падением тираннии, должна соответствовать не непосредственно времени до захвата власти Клеархом, но средним десятилетиям V в., когда Гераклея действительно имела демократическое устройство. В связи с этим лозунг борьбы с тираннией, провозглашенный гераклейскими эмигрантами (достаточно вспомнить обращения эмигрантов к Александру и Пердикке), скрывал в действительности стремление олигархов вернуться к прежнему господству.

Как видно из Мешн., 11, Нимфид по возвращении эмигрантов в Гераклею счел невозможным требовать возмещения материальных потерь, понесенных эмигрантами в период господства тираннов, хотя он и сове-

¹ Συΐδ., σ. ν. Νύμφις; Мешн., 11; 24. Сочинения Нимфida: Περὶ Ἡράκλεϊας, Περίπλους Ασίας, Περὶ Ἀλεξανδρου καὶ τῶν Διαδόχων καὶ Ἐπιγόνων.

² Мюлл., FHG, III, 12.

товал своим друзьям перед тем, как они решились возвратиться в родной город, выступить с подобными требованиями. Этот отказ аристократов от старинных, но давно утерянных привилегий может быть объяснен, конечно, тем, что, возвратившись из изгнания, эмигранты смогли воочию убедиться в крепости и устойчивости положения демоса, ставшего со времен первых тираннов владельцем земель изгнанных аристократов. Пойти против этого порядка означало бы разжечь гражданскую войну, из которой вряд ли вышла бы победительницей кучка эмигрантов; Нимфид это хорошо осознал и, видимо, предостерег своих сотоварищей. В результате этого в городе, по словам Мемнона (11), установилось полное согласие.

Труд Нимфида о Гераклее был доведен, вероятно, до событий, связанных с описанным у Мемнона, 24, набегом галатов и дарами Птолемея III Эвергета Гераклее (25,1). В тех частях этих глав, где Мемнон обращает внимание на вифинские дела, он мог использовать какое-либо сочинение по истории Вифинии или вообще местные вифинские источники.

Достоинством IX—XIV книг хроники является использование автором ряда ценных документальных источников. К числу таких безусловно принадлежит приведенный Мемноном текст договора Никомеда I Вифинского с галатами (Мемнон, 19). С 25-й главы (за исключением первого ее абзаца) источник Мемнона меняется. В 25-й—26-й главах на общем фоне краткого обзора событий римской истории от основания города до войны римлян с Антиохом III (25) рассматриваются столь же бегло отношения гераклеотов с римлянами, увенчавшиеся договором о дружбе и союзе между этими двумя государствами (26). Можно предполагать, что в данном случае Мемнон при общем своем незнакомстве с римской историей воспользовался чьим-то трудом по истории Рима от основания города, а для характеристики гераклейских дел довольно неумело использовал надписи, возможно, также материалы гераклейского государственного архива, находившегося в храме Зевса (26). Следы использования надписей можно заметить в рассказе о письмах, которые гераклеоты получали от Сципионов, Луция и Публия, а также от Эмилия Павла. Пезнанием и неумением обращаться с материалом следует объяснить нелепые хронологические перестановки в главе 26-й: в ответ на посольство гераклеотов к римским стратегам (Сципионам) они получают письмо от Эмилия Павла.

Общий ход развития римско-гераклейских отношений можно восстановить по данным Полибия и Тита Ливия об этом периоде римской истории, а также по важному эпиграфическому документу — письму римского консула к гераклеотам (CIG, II, 3800).

В главах 27—29 сохранились следы использования местного источника, причем между 28-й и 29-й главами существует большой пробел (почти в 100 лет) а, кроме того, допущена хронологическая перестановка: события 27-й и 28-й глав — осада Гераклеи Прусием I и набег галатов — имели место, как говорит сам автор, до перехода римлян в Азию¹, но они помещены после описания римско-гераклейских отношений. Это только доказывает слабое представление Мемнона о гераклейских событиях II в.; во всяком случае, в распоряжении Мемнона уже не могло быть труда, подобного истории Нимфида.

Начиная с 30-й главы, Мемнон писал хронику в ином плане: преимущественное внимание уделено истории Митридатовых войн. Здесь источни-

¹ Мемнон., 28; по Stähelin, Geschichte der kleinasiatischen Galater, Lpz., 1907, стр. 49, нападение галатов на Гераклею, описанное у Мемнона, 28, имело место в период между 200 и 190 гг.

ками могли быть *συγγραφεῖς*, о которых упоминает Страбон, а в тех частях, где речь идет о Гераклее, автор использовал, повидимому, сочинения Проматида Гераклеота и Домития Каллистрата, писавших о Гераклее (Re i n., Mithr., 454).

Бессспорно восходят к местным источникам описания двухлетней осады Гераклеи римлянами (47—52) и судьбы Синопы (53—54).

Что касается Митридатовых войн, то Мемнон часто дает такие сведения, которых нельзя почерпнуть из других авторов. Так, например, он сообщает, что в Дарданском договоре была статья, предусматривавшая, что римляне не должны чинить вреда тем городам, которые перешли на сторону Митридата (см. стр. 304, прим. 4).

В рассказе об осаде Гераклеи римлянами интересны те места, где засвидетельствованы столкновения в осажденном городе между гарнизоном и гражданами (М е т н., 49), а также обращение гера克莱отов за помощью к Херсонесу, Феодосии и боспорским династам (47; 49; см. стр. 309, прим. 6).

Вообще вопрос о положении Гераклеи в период Митридатовых войн так подробно освещен Мемноном, что при условии подкрепления соответствующими эпиграфическими данными он мог бы послужить темой специального исследования. С другой стороны, многие замечания хроники о Гераклее и гера克莱отах в этот период позволяют судить о гера克莱йских сооружениях, о порте, о степени укрепленности города, об его общем расположении на берегу Ахерусийской бухты.

Однако нельзя не указать, что в тех случаях, когда Мемнон выходит за пределы гера克莱йской области или обращается к римским делам, в его рассказах появляются всевозможные несообразности, свидетельствующие, что автор хроники никогда не был в Риме и пользовался в отношении римских дел какими-то второстепенными, весьма посредственными сочинениями (это касается, например, рассказа о ходе войны Суллы с понтийскими войсками в Греции).

Мемнон излагает материал в хронологической последовательности, редко пытается обобщать материал, и это ему плохо удается. Так, например, глава 26, посвященная римско-гера克莱ским отношениям, крайне запутана. В главе 41, рассказав о падении города Никеи, Мемнон при попытке объяснить происхождение города и его имя, сбивчиво сообщает два варианта, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому.

Относительно датировки хроники имеются две точки зрения: Рейнак помещает Мемнона на рубеже I—II вв. н. э. (Re i n., Mithr., 453, прим. 2), в то время как Лакер, как уже указывалось выше, относит его к концу I в. до н. э. и началу I в. н. э.). Основной довод Рейнака сводится к тому, что Мемнон упоминает о санегах и лазах, которых еще не знает Страбон и которые впервые появляются у Плиния (NH, VI, 4, 12; 14). Однако вполне возможно, что Мемнон знал об этих племенах от историков Митридатовых войн. Вероятно, хроника Мемнона, составленная вообще для местного употребления, осталась неизвестной Страбону (а позже и Плутарху и Аппиану). Она возникла, вероятно, на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. Последние главы (59—60) рассказывают о восстановлении Гераклеи из развалин, причем в одном месте подчеркивается, что дело восстановления подвигалось очень медленно, что, несмотря на всевозможные усилия одного из активнейших деятелей Гераклеи в этот период — Бритагора, едва 8 тыс. жителей (вместе с челядью) поселились в городе (М е т н., 59).

В этих условиях важно было воодушевить граждан славными примерами прошлого, развернуть перед ними картину былого могущества города. Поэтому можно допустить, что автор хроники был близок к последнему

периоду независимой Гераклеи; вряд ли он был современником падения города, но не исключено, что он знал некоторых из участников грозных событий 72—70 гг. до н. э.

В заключение необходимо отметить высокую оценку, даваемую Мемнону современными историками, так или иначе пользовавшимися гераклейской хроникой.

Так, например, с большим уважением относится к данным Мемнона Я. А. Манандян, не раз подчеркивающий значимость его сведений относительно войны Тиграна II с Римом, как нейтрального автора по сравнению с Плутархом или Аппианом¹. В западноевропейской буржуазной науке наблюдается даже несколько преувеличенная оценка Мемнона как историка. Так, Рейнак ставит Мемнона в один ряд с тремя крупнейшими авторами, труды которых являются важнейшими источниками по истории Митридатовых войн, т. е. с Плутархом, Аппианом и Кассием Дионом. Он не раз привлекает данные Мемнона, иногда противопоставляя их сообщениям Плутарха или Аппиана и при этом отдавая ему предпочтение (это касается, например, цифровых данных Мемнона, см. стр. 302, прим. 4). Правда, Рейнак не касается главных преимуществ Мемноновой хроники, представляющей единственные, исключительно ценные сведения по истории Гераклеи. В этом последнем отношении хроника Мемнона особенно ценна потому, что она представляет ход событий с точки зрения одного из крупнейших греческих городов Причерноморья.

Что же касается литературных достоинств хроники, то еще Фотий подчеркивал довольно высокое качество стиля и языка Мемнона (М е т п., 60, 5—6), Моммзен же относит его к числу лучших писателей времен империи: «В области литературы эпохи империи Вифиния дала целый ряд превосходных писателей, наименее затронутых чрезмерной риторикой той эпохи, каковы философ Дион из Прусы, историки Мемнон из Гераклеи, Арриан из Никомедии, Дион Кассий из Никеи².

Перевод сделан по изданию М ѿ 11 е г а, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, Paris, 1849, стр. 526—558.

¹ Я. А. М а н а д я н, Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943, стр. 105—106.

² М о м м з е н, История Рима, V, 1949, стр. 281.

Мемнон

О ГЕРАКЛЕЕ

(ΠΕΡΙ ΗΡΑΚΛΕΙΑΣ)

Перевод и комментарий В. П. Дзагуровой

Прочтено историческое сочинение Мемнона от IX¹ книги до XVI. История же эта имеет целью описать все, что происходило сPontийской Гераклеей, перечисляя бывших в ней тиранами и действия их и нравы и других [т. е. их?] жизнь и конец, который они претерпели, и все, что приымкает к сказанному².

ИЗ IX и X КНИГИ

И так, Мемнон пишет, что Клеарх первый в этом городе прибегнул к тирании³. Он говорит, кроме того, что он не только обладал философским образованием, но и был одним из слушателей Платона и четыре года слушал ретора Исократа⁴; в то же время известно, что по отношению к подданным он больше, чем кто-либо другой, проявил себя жестоким и преступным, а также впадал в крайнее хвастовство, например, даже называл себя сыном Диа и, не довольствуясь естественным цветом лица, разукрашивался различными способами до блеска и появлялся таким образом перед видящими его; и одежды он часто сменял для внушения страха⁵. (2) И не только в этом, говорит Мемнон, он был дурным. Ведь Клеарх был неблагодарен и по отношению к тем, кто сделал ему добро, проявлял насилие по отношению ко всем и был решителен в недостойных делах. Известно также, что Клеарх был очень энергичен в убийствах тех, кого хотел убить, и не только в отношении соотечественников, но и в тех случаях, когда он замышлял что-нибудь враждебное в отношении

¹ Рукопись А: V.

² История Мемнона сохранилась в извлечениях Фотия, который предполагает им это введение. Отрывки, определенно не принадлежащие Мемнону, выделены разрядкой. Курсивом даны слова, дополняемые в переводе для связи.

³ Тирания в Гераклее Pontийской была установлена Клеархом в 363 г. до н. э. См. D i o d., XV, 81, 4. Есть основания сомневаться в том, что Клеарх действительно был первым тираном в Гераклее: Свидетельства (с. v. Кλέαρχος) упоминают имя древнего гераклейского тирана Эвопия, тирания которого предположительно имела место в первой половине V в.

⁴ Ср. Suid., s. v. Κλέαρχος.

⁵ Ср. Suid., там же; Inst., XVI, 5.

иноплеменников¹. Известно, однако, что Клеарх собрал библиотеку, превзошедшую библиотеки других, кого прославила тирания. (3) Ему, говорит Мемнон, удавалось избегать многих заговоров, часто составлявшихся против него из-за его преступности, человеконенавистничества и наглости, однако в конце концов он получил смертельный удар от Хиона, сына Матрия, мужа, великого духом и состоявшего с ним в кровном родстве, Леонта и Эвксенона, а также многих других, составивших заговор, и скончался от раны мучительной смертью. (4) Ведь тиран обычно совершал общественные жертвоприношения; сторонники Хиона, считая этот момент подходящим для убийства, рукой Хиона направили меч на общего врага². Среди жестоких мучений, устрашенный многочисленными призраками тех, кого он сам преступно убил, он умер на второй день после ранения, прожив 58 лет, из которых двенадцать он был тираном³. (5) У персов тогда правил Артаксеркс, а затем Ох, который унаследовал власть отца; при жизни Клеарх часто отправлял к ним послов⁴. Что же касается тех, которые убили тирана, то, за исключением немногих, все пали; одни, проявив благородное мужество, были перебиты телохранителями в самый момент покушения, другие же, схваченные впоследствии и стойко перенеся тяжелые пытки, также погибли⁵.

II. Брат тирана Сатир, оставленный опекуном его сыновей Тимофея и Дионисия, принимает власть⁶; он превзошел жестокостью не только Клеарха, но и всех тиранов. Сатир наказал не только тех, кто был в заговоре против его брата, но не меньше мучил и их детей, совершенно непричастных к происшедшему, и от многих невинных потребовал расплаты за злодеяние. (2) Мемнон говорит, что Сатир был чужд знания философии и совершенно не искушен в отношении тех знаний, которые должны быть

¹ О жестокостях Клеарха см. Iуст., XVI, 5; ср. Тб е о р ., фр. 181; Р о л у н ., XXXIX, 2, 1—3. Тирания Клеарха, а впоследствии и его сыновей (см. ниже), воссияла ярко выраженный социальный характер. Источники позволяют признать совершение определенную анти aristократическую направленность внутренней политики этих тиранов и, напротив, их заботу об интересах демоса, бывшего социальной базой тирании. См. Iуст., XVI, 4: Мемнон., 3.

² Об убийстве Клеарха см. Диод., XVI, 36, 3; Iуст., XVI, 5. Источники представляют две версии. По одной (Мемнон, Диолор) Клеарх был убит во время торжественного празднества, что позволяет предполагать расчет заговорщиков на поддержку демоса. Другая версия у Юстинса — тиран был убит в своем дворце. Следует отдать предпочтение первой версии, поскольку она имеется у Мемнона, опиравшегося в данном случае на Теопомпа и, конечно, использовавшего местные источники (см. «Введение»).

³ 363—352 гг. до н. э.

⁴ Основное внимание Клеарха было обращено на внутреннюю политику, так как ему важно было упрочить тиранию. Много времени и сил должна была отнять у Клеарха борьба с аристократией, поскольку последняя не могла примириться с потерей своих преимуществ и не раз пыталась спергнуть тиранна (Iуст., XVI, 5; Мемнон также говорит, что не раз составлялись заговоры против тирана). Учитывая это, следует отнести к рассказу Птолея (II, 30) об имевшем якобы место походе Клеарха против фракийцев (?) в районе города Астака, совершенном с целью истребления большого числа гераклейских граждан (был произведен призыв гражлан в возрасте от 17 до 65 лет). Это не вяжется с социальной направленностью тирании, а также с реальными возможностями Гераклеи в данный период: владея лишь небольшой областью в непосредственной близости к городу, когда еще не все туземцы-миандинцы были под ее властью (это дело будущего — см. ниже, стр. 285, прим. 4; стр. 287, прим. 1), Гераклея не могла ставить перед собой столь далеких задач. Рассказ Птолея основан скорее всего на каком-либо местном документе, представлявшем собой памфлет, написанный кем-либо из аристократов-эмigrantов; Клеарх, как известует из Мемнона, придерживался дружественных отношений с персами, а это ему было особенно необходимо, если учесть рассказ Юстина (XVI, 4) о его конфликте с Митридатом (об отношениях с Митридатом см. также Суид., там же).

⁵ См. также Iуст., XVI, 5.

⁶ См. Iуст., XVI, 5.

присущи всякому свободному. Имея ум острый лишь в *совершении* преступлений, он не желал научиться чему-либо человеколюбивому или кроткому и был неспособен к этому от природы. Он был отвратителен во всех отношениях, хотя время и доводило его до пресыщения кровью соплеменников и преступлением; брата же он любил чрезвычайно. (3) Охраняя в нерушимости власть для детей брата, он настолько заботился об их интересах, что, живя с женой и сильно любя ее, не желал, однако, иметь детей, но всякими способами обрек себя на лишение потомства, чтобы не оставить совершенно никого, кто бы мог злоумышлять против детей брата. (4) Еще будучи жив, он, отягощенный старостью, вручает власть старшему из детей брата Тимофею, а сам немного спустя умирает, охваченный неисцелимой и тяжелой болезнью. Ибо рак, выросший между пахом и мочонкой, распространился в еще более тяжелой форме на значительное пространство внутрь; отсюда изливались истечения открывшейся плоти, издававшие тяжелый и трулно перепосимый запах, так что ни челядь, ни врачи не могли более переносить непреодолимого зловония гниющей плоти. Постоянные же и пронзительные боли истязали все тело; из-за них он лишился сна и был отдан в жертву страшным судорогам, пока дошедшая до самых внутренностей область распространения болезни не оторвала его от жизни. (5) Умирая, он, подобно Клеарху, дал убедиться видевшим это, что по справедливости спрашивается с тех, которые жестоко и противозаконно обращались с гражданами. Говорят, что он во время болезни часто и напрасно молил смерть притти к нему; но, много дней сряду истощаемый жестокой и тяжелой болезнью, таким образом выплатил долг. Он прожил шестьдесят пять лет, из которых тирания занимает 7¹. В это время у лакедемонян царствовал Агесилай.

III. Взявши власть, Тимофе́й² так изменил ее в сторону смягчения и демократизации, что благодаря своим делам стал называться не тираном, но благодетелем и спасителем. Ведь он из своих средств оплатил ростовщикам задолженность, а нуждающимся предоставил беспроцентную денежную помощь для ведения торговли и других дел и из тюрем отпустил не только невиновных, но и тех, на ком была вина. Тимофе́й был судьей строгим, но вместе с тем человеколюбивым и хорошим человеком во всем остальном и, в частности, никому не внушал подозрения своими мыслями³. Обладая такими качествами характера, он отечески любил своего брата Дионисия и, в частности, сразу сделал его соучастником власти и назначил наследником. (2) Тимофе́й, как свойственно мужчине, увлекался военным делом. Он был велик духом и благороден телом и душой, а также справедлив в разрешении тяжб и не лишен снисходительности; он был проницателен в дознании дел, опытен в исследовании запутанных обстоятельств, сострадателен и добр по нраву, суров в опасности, в обычной же жизни человеколюбив и мягок. Поэтому, пока он был жив, он был страшен для врагов⁴, и все устрашались, когда он гневался на них, в отношении же подданных он был и мягок и кроток. Вследствие этого, скон-

¹ 352—345 гг. до н. э.

² Диодор (XVI, 36, 3), говоря о том, что Тимофе́й правил 15 лет, относит сюда и 7-летнее правление Сатира, поскольку тот выступал лишь в роли опекуна (см. Мейн, 2). Тимофе́й правил с 345 до 337 г., в последние годы совместно со своим братом Дионисием. Известны монеты с именами Тимофея и Дионисия (Waddington, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, I, 2, Paris, 1908).

³ В отличие от Клеарха. Следует, однако, заметить, что Тимофе́й, произведя попадение долгов из своих средств и способствуя развитию торговли, действовал, видимо, в соответствии с программой внутренней политики, разработанной Клеархом, который именно благодаря подобным мероприятиям упрочил свою власть и сделал тиранию наследственной.

⁴ Тимофе́й, повидимому, соперничал походы на мариандинов с целью их покорения.

чавшись, он оставил *по себе* великую скорбь, и поднялся плач, равный скорби. (3) Брат его Дионисий с большим великолепием сжигает *его* тело и воздает ему честь слезами *своих* очей и *исходящими* из глубины души стенаниями. *Он* устраивает и конные состязания, и не только конные, но и сценические, а также *состязания в пении и гимнастические*; одни *он* устраивает сейчас же, другие же и еще более блестящие — впоследствии.

Это описывают, если изложить *без гло их содержание, IX и X книги истории Мемнона.*

ИЗ XI И XII КНИГИ

IV. Принявшi *бржаву*, Дионисий увеличил ее¹. Александр в битве при Гранике разбил персов и предоставил *всем* желающим возможность увеличить свои владения, *так как* сила персов, стоявшая до того всем поперек *пути*, была сокрушена. Впоследствии он [Дионисий] перенес различные превратности, больше *же всего*, когда гераклейские изгнанники отправили к Александру, уже явно завладевшему Азией, послов и домогались возвращения *домой* и восстановления *в их* полисе свойственной *их* предкам демократии. Из-за этого он [Дионисий] был *уже* близок к тому, чтобы лишиться власти; и *он* потерял бы ее, если бы не избежал угрожавших ему войн благодаря большому благородству, сообразительности, благосклонности подданных и услугам, *оказанным* Клеопатре. Он сумел сделать это, отчасти успокоившись и смягчив гнев, отчасти же и подготовившись со своей стороны к отпору. (2) Когда Александр окончил жизнь в Вавилоне, то ли от *насильственной* смерти, то ли от болезни, Дионисий, услышав весть *об этом*, поставил статую Эвтимии² и при первом слове известия *так сильно* взволновался от большой радости, как волнуются *при* сильной скорби. Ведь *он* был *даже* близок к тому, чтобы впасть в *безумие*, и казался лишившимся рассудка. (3). Когда во главе всего стал Пердикка, изгнанники из Гераклеи стали и его побуждать к тому же³. Пользуясь теми же *прежними* средствами и находясь в критическом положении, Дионисий избежал всех многочисленных ополчившихся на него опасностей. Пердикка, *который* вел себя постыдно, погиб от руки подданных, и надежды изгнанников рухнули вместе с ним. Для Дионисия же дела во всех отношениях переменились к лучшему. (4) Наибольшее значение в этом благополучии имел его второй брак. Ведь он женился на Амастрии. Она была дочерью Оксатра, который был братом Дария. Разбив Дария, Александр женился на его дочери Статире. Таким образом, эти женщины были двоюродными сестрами. Они были связаны необыкновенной дружбой, *так как* получили вместе воспитание и вместе жили. (5) Александр отдает эту Амастрию в *женены* Кратеру, который был любимейшим из его приближенных. Когда же Александр умер, а Кратер проявил склонность к *дочери* Антипатра Филе, Амастрия становится женой Дионисия, с согласия покинувшего ее Кратера. (6) С этого времени держава Дионисия сильно увеличилась, как благодаря полученному приданому, так и благодаря *его* собственному благородству. Затем Дионисию пришло в голову скупить все достояние того Дионисия, который был *тираном* в Сицилии, *после того*, как была уничтожена его власть⁴.

¹ Дионисий правил с 337 по 305 гг. до н. э. См. Dio d., XVI, 88,5.

² Радости.

³ Т. е. к уничтожению тирании в Геракле.

⁴ Еще Клеарх стремился подражать действиям Дионисия Сиракузского. См. Dio d., XV, 81, 4, а также указания источников о том, что в Сиракузах Дионисий, а в Геракле Клеарх (Iust., XVI, 5) провели аналогичное мероприятие: женам и

(7) Не только это укрепляло его власть, но *также и* деятельное расположение подданных и многих, кто раньше не был под его властью¹. Дионисий блестяще сражался *вместе* с Антигоном, владевшим Азией, когда *тот* осаждал Кипр; он стремился как бы в вознаграждение за свое рвение устроить через Антигона брак *своей* дочери с *его* племянником Птолемеем (последний же был стратегом областей, расположенных у Геллеспонта); это была дочь Дионисия от первого брака. Достигнув, таким образом, большой славы и считая недостойным носить имя тиранна, он вместо этого принял имя царя. (8) Освободившись от страхов и забот и живя в постоянных наслаждениях, он растолстел и стал противоестественно тучным. Из-за этого он не только стал легкомысленным в отношении управления, но и, когда засыпал, просыпался от тяжелого сна лишь покалываемый длинными острями (это средство стало единственным лекарством от сонливости и отупения)². (9) От Амастрии у Дионисия было трое детей — Клеарх, Оксатр и дочь, названная по имени матери. Будучи близок к смерти, он оставляет Амастрию госпожой всего государства и вместе с некоторыми другими опекуншей детей, которые были в нежном возрасте; он умер, прожив 55 лет, из которых у власти был 30. Как говорят, в правлении он был снисходительным и получил за свой нрав прозвище Хреста. Свою смертью он вызвал у народа сильное горе и плач. (10) После его ухода от людей дела городашли ничуть не хуже, так как Антигон ревностно заботился и о детях Дионисия и о гражданах его государства. Когда же он обратился к другим делам, Лисимах стал заботиться и о делах Гераклеи и о детях Дионисия. Он женился на Амастрии³ и вначале сильно ее полюбил, но когда у него появились другие дела, он оставил ее в Гераклее, сам же занялся неотложными делами. Вскоре, однако, преодолев многие трудности, он пригласил ее в Сарды и любил попрежнему. Впоследствии Лисимах полюбил дочь Птолемея Филадельфа (имя же ей было Арсиноя) и доставил Амастрии повод для развода с ним, а также к тому, чтобы, оставив его, занять Гераклею. Возвращившись, она основала и населила город Амастрию⁴.

V. Клеарх же, уже возмужавши, управлял городом и испытывал свои силы во многих войнах, то выступая в союзе с кем-нибудь, то сам подвергаясь нападениям. Сражаясь в войнах против гетов *заодно* с Лисимахом, он с ним *вместе* попал в плен, а когда тот освободился из плена, и сам он позже был отпущен благодаря заботе Лисимаха⁵. (2) Оказавшись наслед-

дочерям изгнанных аристократов под страхом смерти приказано было вступить в брак с их бывшими рабами, которые были освобождены тиранами. Приобретая имущество Дионисия Сиракузского, гераклейский Дионисий, таким образом, выполнил заветное желание своего отца. Этот же факт позволяет судить о наличии связей Понтийской Гераклеи с отдаленными Сиракузами.

¹ Прямых указаний на результаты походов Тимофея и Дионисия нет. Однако именно пих правление Гераклея приобрела ряд областей как к западу, так и к востоку от города. Она стала владеть островом Тинидой (P. s.-S. с у 1, 92; A. n., PPE, 5). Это, конечно, позволяло гераклеотам заниматься куперством, о чем, например, сообщает афинская надпись (SIG³ I, 304), засвидетельствовавшая захват гераклеотами нескольких кораблей с хлебом, пущших с северного побережья Понта в Пирей. В то же время гераклеоты овладели городом Клером (впоследствии Прусиада на Гипии, теперь Упикуб), а в восточном направлении распространили свое влияние по берегу Пафлагонии. Так, им подчинился город Тиос.

² В этом месте Мемnon пересказывает Нимфиду (фр. 16, FHG, III, 15), который, начиная с данной главы, становится его источником.

³ Разумеется, жене, а не дочери Дионисия. После смерти Дионисия она управляла городом (Diod., XX, 109).

⁴ Около 300 г. до н. э. Факт этот является доказательством силы гераклейского влияния на берег к востоку от города. Его можно расценить также как социальную меру, направленную на освобождение города от наиболее мятежных элементов.

⁵ Имеется в виду поход Лисимаха на гетов в 294 г. до н. э.

никами власти, Клеарх и его брат в отношении подданных по кротости и добродетели оказались несравненно хуже своего отца, они погрязли в противозаконных и мерзких делах. Ведь они устроили *так*, что их мать, ничем особенно перед ними не провинившаяся, вступив на корабль, в результате их исключительного и злодейского вероломства утонула в море.

VІ. По этой причине и Лисимах, часто уже упоминавшийся (он царствовал в Македонии), хотя и сделал *так*, что благодаря браку с Арсиноей он оставил Амастрию, но в то же время, нося в себе огонь прежней страсти и считая, что мерзость и жестокость этого поступка невыносимы, самым тщательным образом затаил возникший у него в душе замысел, с виду же показывал сторонникам Клеарха прежнюю дружбу. Благодаря многим уловкам и умению хитро скрывать *свои замыслы* (говорят, что в этом отношении он был способнейшим из людей) Лисимах оказывается в Гераклее как будто ради блага принимавших его. Изобразив перед свитой Клеарха отповедную любовь, он убивает матереубийц, сначала Клеарха, а потом Оксатра, по справедливости воздав им за преступление против матери. Лисимах взял город под свою опеку, захватив в качестве добычи большие богатства, которые собрала власть тиранов, и, дав гражданам возможность управляться демократически, чего те добивались, отправился в собственное царство¹.

VII. Возвратившись к себе, Лисимах прославлял Амастрию. Он удивлялся и ее характеру и ее державе, тому, как укрепились ее могущество, величие и силы. Превознося Гераклею, он относил часть похвал к городам Тиосу и Амастрии, которую та основала под своим именем. (2) Этими речами он побуждал Арсиною стать госпожой восхваляемых городов. И она домогалась получить *то*, что желала. Но Лисимах, возвеличивая дар, сначала не соглашался; со временем же, склоняемый *просьбами*, уступил. Ведь Арсиноя была весьма способна обойти *кого угодно*, а старость уже сделала Лисимаха уступчивым. (3) Итак, получив власть над Гераклеей, Арсиноя посыпает в Гераклею преданного ей кимейца Гераклида, впрочем, умного, весьма опытного в подаче советов и острого мужа. Тот же, как только достиг Гераклеи, стал очень внимательно вести дела и, обвиняя многих из граждан, не меньшее количество подвергал наказаниям, так что он опять лишил их только что начавшегося счастья.

VIII. Между тем Лисимах, следуя коварным планам Арсинои, по бесстыднейшему обвинению губит лучшего и старшего из своих сыновей — Агафокла (рожденного в первом браке), которого он сначала пытался умертвить тайным снаidобием, но тот предусмотрительно извергал *его*. Тогда, бросивши Агафокла в тюрьму, Лисимах приказывает его убить, ложно обвинив в заговоре против себя. Птолемей, который собственно ручно исполнил это преступление, был братом Арсинои, за свою грубость и резкость он носил прозвище Керавн. (2) Убив сына, Лисимах по справедливости заслужил ненависть подданных, и Селевк, узнав это и так как было очень легко лишить Лисимаха власти, поскольку города отложились от него, напал на него. Лисимах гибнет во время войны, пронзенный копьем. Поразивший *его* муж был гераклеот, по имени Малакон, воевавший под командой Селевка. Когда же Лисимах пал, его держава, присоединенная к державе Селевка, стала ее частью². Здесь кончается XII книга истории Мемнона.

¹ 287 г. до н. э.

² 281 г. до н. э.

ИЗ XIII и XIV КНИГИ

IX. В XIII же книге он говорит, что гераклеоты, узнав о гибели Лисимаха и *о том*, что убивший его был гераклеот, собираются с духом и стараются показать себя доблестными в стремлении к свободе, которой они были лишены в течение 84 лет собственными тираннами, а после них Лисимахом. (2) Прежде всего они пришли к Гераклиду, убеждая его уйти из города и *заверяя, что он не только останется невредим, но и получит обильные припасы в дорогу за то, что они смогут возвратить себе свободу.* (3) Когда же они увидели, что он не только не внял *их речам*, но разгневался и *захотел подвергнуть* некоторых из них наказаниям, граждане составили с фруархами статьи, которые давали им исополитию и право получать плату, которой они были лишены (*συνθήκας θέμενοι πρὸς τοὺς φρούράρχους σὶ πολτῖαι αἱ τὸν τε ἴσπολιτείαν αὐτοῖς ἔνεμον καὶ τοὺς μισθοῖς λαβεῖν δὲν ἐστέργητο*). Они захватили Гераклида и некоторое время держали его под стражей. Теперь, получив полную безопасность, гераклеоты до основания разрушили стены акрополя и отправили послов к Селевку, сделав эпимелетом города Фокрита.

X. Зицойт, правитель вифинов, враждую с гераклеотами сперва из-за Лисимаха, а потом из-за Селевка (с каждым из обоих он был в ссоре), совершил на них набег, причинивши гражданам ряд бедствий.

XI. В это же время Селевк посыпал Афродисия диойкетом в города, расположенные во Фригии и прилегающие к Понту. Тот, сделав, что хотел, и возвратясь, отозвался с похвалой о других городах гераклеотов же обвинил, что они не расположены в пользу Селевка. Разгневанный этим Селевк поносил грозными речами пришедших к нему *гераклейских* послов и устрашал *их*. Однако один из послов — Хамайлеонт, ничуть не испугавшись угроз, сказал: «Селевк. Геракл¹ сильнее (χάρρων)» (*χάρρων* же значит у дорян «сильнейший»). Однако Селевк не понял этой речи, так как был в гневе, и отвернулся. Послам же казалось, что им не суждено ни возвратиться домой, ни получить там награды за труды. (2) Узнав об этом, гераклеоты *принялись и в остальном готовиться к войне и, в частности, собирали союзников, отправив послов к Митридату, царю Понта², к византийцам и халкедонцам.* (3) *Что же касается оставшихся в живых изгнаниников из Гераклеи, то, когда Нимфид — а он был одним из них — посоветовал им вернуться и доказал, что это будет легко, если они не покажут себя желающими насильственно возвратить что-либо из того, что утеряли их предки, он легко убедил их.* Когда возвращение совершилось тем способом, который он советовал, то и вернувшиеся и припявший *их* город пребывали в одинаковой радости и счастье. *Ведь находившиеся в городе обращались с ними хорошо, и они не испытывали недостатка ни в чем, необходимом им для умеренного довольства.* Таким образом, гераклеоты вернули себе древнюю знать и политию.

XII. Благодаря своим успехам против Лисимаха Селевк стремился перейти в Македонию, тоскуя по родине, откуда выступил в поход с Александром, и думая, будучи уже стар, провести там остаток жизни, Азию же поручить своему сыну Антиоху. (2) Когда владения Лисимаха оказались во власти Селевка, Птолемей Керавн сам предался ему. Он не был в пренебрежении как пленный, но удостаивался почести и заботы как сын царя и даже получил от Селевка обещание, что, когда умрет его отец, он отправит его в Египет, его отцовское царство. (3) Таких он удостоился почестей; эти благодеяния, однако, не улучшали дурного человека. Замы-

¹ Геракл был покровителем Гераклеи.

² Митридат III (302—266).

слив козни и напав на благодетеля, он убивает его и, вскочив на коня, бежит в Лисимахию. Там он возложил на себя диадему и с блестящей свитой отправился к войску, и те, которые прежде подчинялись Селевку, по необходимости приняли его и назвали царем.

XIII. Когда Антигон, сын Деметрия, узнал об этом, он попытался переправиться в Македонию с пехотой и флотом, спеша предупредить Птолемея. Птолемей же двинулся против него и со своей стороны выстроил войско, обладая кораблями Лисимаха. (2) Среди них были, между прочим, и присланные из Гераклеи — и гексеры, и пентеры, и невооруженные. Была и одна октера, называвшаяся леонтофорой и приводившая в изумление величиной и красотой. На ней в каждом ряду гребли по сто человек, так что на каждой стороне было по восемьсот человек, а на обеих — тысяча шестьсот. На палубе же находились тысяча двести воинов и двое кормчих. (3) Когда произошло столкновение, Птолемей одержал верх и обратил в бегство флот Антигона, причем мужественнее других сражались корабли, которые были из Гераклеотиды; из самих гераклейских кораблей первенство получила октера-леонтофора. Проведя столь скверно морское сражение, Антигон отступил в Беотию. Птолемей же перешел в Македонию и упрочил свою власть.

XIV. Тотчас же вслед за тем, проявляя грубость своей натуры, он женится на своей сестре Арсионе, как это свойственно египтянам, а детей, рожденных ею от Лисимаха, убивает. После этого он и ее изгнал из царства. Много противозаконного совершил он за два года. Когда часть галатов переселялась из-за голода со своей родины и они напали на Македонию и вступили с ним в бой, он окончил жизнь достойно своей жестокости. растерзанный галатами. Ведь он был захвачен живым, когда спон, на котором он ехал, был ранен и сбросил его. Антигон же, сын Деметрия, разбитый некогда в морском сражении, после гибели Птолемея захватывает лержаву македонян.

XV. Сын Селевка Антиох благодаря многим войнам, хотя и с трудом и не полностью, но все же восстановил отцовское царство. Он отправляет стратега Патрокла с войском в область по сю сторону Тавра. Этот же выбирает себе в помощники Гермогена, родом аспендия, который намеревался в числе других городов напасть и на Гераклею. Но поскольку гераклеоты отправили к нему послов, он отступает от их страны и заключает договор о дружбе, а затем отправляется через Фригию в Вифинию. Застигнутый неожиданно вифинянами, он погиб со своим войском, обнаружив лично мужество в борьбе против врагов.

XVI. Так как Антиох решил вследствие этого выступить против вифинян, парь их Никомед отправляет в Гераклею послов, ища союза, и добивается успеха, пообещав отплатить им при подобных критических обстоятельствах¹. В это же время гераклеоты вернули себе Киер, Тиос и Тинидскую землю, истративши на это много денег. Между тем Амастрию (ибо она была утеряна вместе с другими городами) не удалось возвратить ни войной, ни деньгами, ни силой, так как владевший ею Эвмен предполил передать ее Ариобарзану, сыну Митридата, даром, чем гераклеотам за деньги, вследствие неразумного гнева против них.

XVII. В то же самое время гераклеотов заняла война с Зипойтом Вифином, который владел Тиийской Фракией. В этой войне пали многие из гераклеотов, мужественно сражаясь. Зипойт, уже обладавший победой, после того как к гераклеотам подошли союзные силы, опозорил победу бегством. А те, которых только что одолевали, спокойно забрали и со-

¹ Никомед I (281—255). Сюда же следует отнести события, описанные у Менена, 18; гераклеоты послали Никомеду 13 триер.

жгли убитых, а затем, сделавшись господами всего, из-за чего шла война, и принеся кости погибших в город, торжественно похоронили их в склепе героев¹.

XVIII. В это же время начинается война между Антиохом, сыном Селевка, и Антигоном, сыном Деметрия. С обеих сторон были выставлены громадные войска, и шла она продолжительное время. С последним из названных противников в союзе был царь Вифинии Никомед, с Антиохом же многие другие. Еще не столкнувшись с Антигоном, Антиох предпринимает войну против Никомеда. Никомед отовсюду собирает силы. Отправив послов к гераклеотам для заключения союза, он берет себе у них в помощь тридцать триер. И их и остальной флот он противопоставляет флоту Антиоха. В течение некоторого времени простояв друг против друга, ни тот, ни другой не начали битвы, но разошлись, ничего не совершив.

XIX. Когда галаты подошли к Византию и опустошили большую часть этой страны, ослабленные войной жители Византия посыпают к союзникам, умоляя о помощи. И все, кто был в силах, доставили помощь. Доставили и жители Гераклеи четыре тысячи золотых (столько ведь просило посольство). (2) Немного спустя Никомед задумывает переправить через пролив на договорных условиях галатов, которые совершили нападение на область византийцев, многократно пытались переправиться в Азию и столько же раз терпели неудачи, не выдерживая отпора византийцев. Условия договора были следующие: Никомеду и его потомкам всегда быть дружески расположенным к варварам, а без воли Никомеда никто из них не должен вступать в союз с кем бы то ни было, кто пошлет к ним послов, но быть друзьями его друзьям и врагами его недругам; быть в союзе с византийцами, если в этом окажется необходимость, а также с тианийцами, гераклеотами, калхедонцами, кирянами и некоторыми другими, которые управляют какими-либо народами. (3) На этих условиях Никомед переводит в Азию массу галатов. У тех у власти находились семьдесят числом наиболее знаменитых, а из этих самых избранных и главнейших были Леоннорий и Лутурний². (4) Сначала считали, что этот переход галатов в Азию принесет зло ее жителям. Исход дела показал, что этому предприятию суждено было принести им пользу. Ибо в то время, как пари старались уничтожить демократию в городах, варвары еще более усиливали ее, противостоя нападающим. (5) Никомед сперва вооружил варваро против вифинов, в то время как союзниками его были и жители

¹ В главах 16—17 допущена значительная путаница: в 16-й главе сообщается, что гераклеоты благодаря союзу с Никомедом I возвратили себе с помощью денег города Кир и Тиос, ставшие добывчей вифинов при их царе Зипойте-I. Глава 17 рассказывает о войне гераклеотов с Зипойтом Вифином, в результате которой они сделались господами «всего, из-за чего шла война». Таким образом, следует предположить, что в первом случае гераклеоты лишь名义上 возвратили утерянные территории — Никомед I согласился на это, правда, не бескорыстно, так как он получил с гераклеотов деньги и они ему передали корабли, однако его уступчивость станет еще более понятной, если принять во внимание междоусобицу в Вифинии после смерти Зипойта I: брат Никомеда Зипойт овладел значительной территорией — Мемнон говорит, что под его властью была Тинийская Фракия, а это как раз восточная часть Вифинии. Обещая отдать гераклеотам города Кир и Тиос, а также Тинидскую землю, Никомед предоставил им, очевидно, самим достигнуть необходимого результата. Но, как известно (19), Никомед привлек для борьбы с братом галатов, и события главы 17-й поэтому надо поставить в связь с появлением галатов в Азии. Вель, как будет показано ниже, гераклеоты и галаты по смыслу договора Никомеда с последними (19) должны были находиться в дружественных отношениях. Таким образом, возвращение указанных городов должно было произойти в 279—278 гг., когда с помощью своих союзников Никомед, наконец, справился с Зипойтом.

² Мемнон дает исключительно ценные и оригинальные сведения о галатах. Особенno важен приведенный им договор их с Никомедом.

Гераклеи. *Он* овладел страной и истребил ее жителей, а галаты разделили между собой остальную добычу. Пройдя обширную страну, они опять вернулись назад и из захваченной ими земли отрезали то, что называется теперь Галатией. *Они* разделили ее на три части, назвав жителей одной из этих частей трогмами, другой — толостобогиями, третьей же — текто-сагами. *Они* построили города: трогмы — Анкиру, толостобогии — Табию, тектосаги — Писинунт.

ХХ. Никомед, достигши блестящего благополучия, воздвиг напротив Астака город, назвав его своим именем¹. Астак же основали выходцы из Мегар в начале 17-й олимпиады. Согласно оракулу, город был назван Астаком по имени некого Астака, человека знатного и благоразумного, родом из тех, кого в Фивах называли Спартами и Гегенами. Город часто подвергался набегам со стороны соседей и много воевал. Когда после мегарцев в него вывели колонию афиняне, город освободился от несчастий и пребывал в большой славе и силе. В то время у вифинов находился у власти Дидалес. (2) После его смерти правит Ботир, живший 75 лет. Ему наследует его сын Бас, который одолел Калу, стратега Александра, хотя тот был хорошо подготовлен к битве, и подготовил то, что македоняне отказались от Вифинии. Жил он 71 год, из которых царствовал 50. (3) Его сын и наследник власти Зипойт прославился в войнах; одного из стратегов Лисимаха он убил, а другого далеко отогнал от родного парства. Побеждал он и самого Лисимаха и Антиоха, сына Селевка, царствовавшего над Азией и македонянами. Близ горы Лицера он основывает город, названный по его имени. Прожил он семьдесят шесть лет, обладая властью из них сорок восемь. Он оставляет четырех детей. Ему наследует старший из детей Никомед, который был для своих братьев не братом, но палачом. Он также, конечно, укрепил царство вифинов, больше всего тем, что помог галатам переселиться в Азию. Как уже сказано, он построил город, носящий его имя².

ХХI. Немного спустя вспыхнула война у византийцев с калатианами (это были колонисты гераклеотов) и истирианами из-за эмпория Томы, который находился по соседству с калатианами³. Калатианы замышляли утвердить здесь свою монополию. Итак, и те и другие послали к гераклеотам за помощью; те же не послали военной помощи ни той, ни другой стороне, но отправили к обеим сторонам посредников в целях примирения; однако их старания не привели тогда к желанному результату. Претерпев многое от врагов, жители Калатиды впоследствии пришли к миру, но после этого несчастья почти никогда уже не могли восстановить свои силы.

ХХII. Очень скоро после этого царь вифинов Никомед, умирая, записывает наследниками детей от второй жены, так как сын, родившийся у него от первого брака, Зеил бежал к царю армениев, спасаясь от козней мачехи Этадзеты, дети которой еще были малы. Опекунами наследников он назначает Птолемея, Антиоха, демос византийцев, а также демос гераклеотов и кианов. (2) Между тем Зеил с войском, пополнивши его толостобогиями из галатов, приходит в отцовское царство. Стараясь спасти власть для малолетних детей царя, вифини выдают мать их замуж за брата Никомеда, а сами, взяв войско названных выше опекунов, защищаются от Зеила. После многих битв и перемен счастья обе стороны, наконец, пришли к миру. В этих сражениях гераклеоты отличались и достигли

¹ 264 г. до н. э. — Никомедия.

² Лишь благодаря Мемнону устанавливается хронология правления вифинских царей.

³ Война происходила, как можно судить из данных Мемнона, в период между 264 и 255 гг. до н. э.

выгод по договорам. Поэтому галаты совершили набег на Гераклею до реки Каллета, как на враждебную страну, и, захватив большую добычу, вернулись домой¹.

XXIII. Когда Антиох воевал с византийцами, гераклеоты помогали им сорока триерами. Они достигли того, что война не пошла дальше угроз.

XXIV. Случилось так, что немного спустя ушел от людей Ариобарзан, оставив сына Митридата² и будучи во вражде с галатами. По этой причине они, презирая отрока, вредили его царству. Когда жители его оказывались в нужде, они получали помощь от жителей Гераклеи, пославших хлеб в Амис, благодаря чему людям Митридата легко было прокормиться и преодолеть нужду³. Поэтому галаты снова послали войско на Гераклеотиду и совершали набеги на нее до тех пор, пока гераклеоты не отправили к ним послов. Главой посольства был историк Нимфид, который, удовлетворив войско варваров в целом суммой в пять тысяч золотых и вождей отдельно двумястамп каждого, добился того, что они ушли из страны.

XXV. Птолемей, царь Египта, достигнув вершины благополучия, склонял блистательнейшими дарами города на свою сторону. И гераклеотам он послал пятьсот артаб пшеницы и построил у них на акрополе храм Геракла из проконнесского камня⁴.

(2) Дойдя до этого, писатель делает экскурс относительно державы римлян: откуда они пошли родом, каким образом заселили здешние места Италии, а также все, что произошло и было совершено до основания Рима, упоминая и правивших ими, и с кем они боролись в войнах, и установление царской власти, и переход от монархии к консулам, и как римляне были побеждены галатами и город едва не был взят, если бы Камилл, прия на помощь, не спас город; (3) и как Александру, перешедшему в Азию и написавшему им письмо, в котором он предлагал им или победить, если они могут властвовать, или подчиняться более могущественным, римляне послали золотой венок, весивший много талантов; и как они воевали против тарантинцев и Пирра, бывшего их союзником, и, кое-что претерпев, а кое в чем повредив врагам, тарантинцев покорили, а Пирра изгнали из пределов Италии; (4) и все, что было совершено римлянами против карфагенян и Ганибала, и все успехи в войнах против иберов и других полководцев и Сципиона, и как последний, избранный иберами царем, не принял царской власти; и как, встретив сильное сопротивление, Ганибал вынужден был бежать; и как римляне переправились за Ионий-

¹ Очевидно, Зеил (*Ζηΐλας*) открыто не порвал с дружественной политикой Никомеда в отношении Гераклеи, но этот набег галатов, союзников Зеила, на последнюю нельзя не поставить в связь с тем, что гераклеоты выступили противниками Зеила в войне за вифинское наследство.

² Ариобарзан III (266—240) и Митридат IV (240—190).

³ Важное свидетельство обеспеченности Гераклеи своим хлебом и, с другой стороны, косвенное указание на существовавшее в этот период затруднения в подвозе хлеба из Северного Причерноморья, обычно снабжавшего Понт хлебом (по Меш., 54, Синопа получала продовольствие из Боспора).

⁴ Птолемей III Эверget (247—222). Его дар Гераклею стоит в связи с теми временными затруднениями, которые пришлось пережить городу после опустошения страны галатами. Отсутствие данных в источниках не позволяет уяснить развитие египетской политики в направлении южного берега Понта. Однако Дроизен (История эллинизма, III, 133) считает реальными претензии Птолемеев на это побережье и, в частности, на город Тиос (который, как он указывает, временно даже носил имя *Βερεύικη*), поскольку Птолемей Филадельф был, как известно, женат на вдове Лисимаха Арсинае (после того как она была изгнана из Македонии Птолемеем Керавном, см. Меш., 14).

ский залив; и как Персей, сын Филиппа, унаследовав царство македонян и, нарушив по молодости договоры, бывшие у римлян с его отцом, вынужден был воевать с ними, в результате чего Павел воздвиг за победу над ним трофеи; и как они, победив в двух битвах Антиоха, царя Сирии, Коммагены и Иудеи, изгнали его из Европы. Это вот относительно Римской державы до сих пор излагает писатель.

XXVI. Вернувшись же к предмету повествования, он описывает, как гераклеоты, отправившиеся послольством к стратегам римлян, переправившимся в Азию, были хорошо приняты и получили письмо, которое послал Публий Эмилий и в котором он заверял их в дружественном отношении к ним сената, а также, что и востальных делах они не будут лишены ни опеки, ни заботы, когда им что-либо понадобится. Впоследствии они отправляли послольство, чтобы подтвердить свою дружбу, о которой было соглашение, и к Корнелию Сципиону, который приобрел для римлян Ливию. (2) Затем снова отправляли к нему послов, стремясь расположить римлян к царю Антиоху; а к последнему написали письму, убеждая его прекратить вражду с римлянами. Отвечая гераклеотам, Корнелий Сципион пишет так: «Сципион, стратег-проконсул римлян, буле и демосу гераклеотов — привет». В этом письме он подтвердил расположение к ним и сообщил, каким образом римляне выиграли битву с Антиохом. То же самое, что и Луций, ответил гераклеотам, приславшим послов, Публий Корнелий Сципион, брат его и стратег флота. (3) Немного спустя Антиох снова вступил в битву с римлянами и, будучи побежден силой, по договору прекратил вражду: этот договор отнял у него всю Азию, лишил его слонов и флота. У него во власти остались Коммагена и Иудея. (4) Подобным же образом город гераклеотов отправлял послов к высланным римлянами преемникам названных выше стратегов и пользовался прежними благосклонностью и расположением. Наконец, возник договор между римлянами и гераклеотами, согласно которому они становились между собой не только друзьями, но и союзниками, против кого и за кого обе стороны сочтут нужным. Текст этого договора, совершенно одинаковый, написан на двух медных досках. Из них одна хранится у римлян в храме Дия на Капитолии, другая же — в Гераклее, опять-таки в храме Дия¹.

ИЗ XV КНИГИ

XXVII. Изложив это в XIII и XIV книгах истории, переходя к XV, писатель рассказывает, как царь вифинов Прусия, будучи чрезвычайно предприимчив и многое совершив, вместе с другими подчинил себе в результате войны и город Киер, принад-

¹ Вначале гераклеоты проявили дружественность в отношении Публия и Луция Сципионов, получив, в свою очередь, от них приветственные письма. Уже около 188 г. возник договор между Гераклеей и Римом; из слов Мемнона следует, что этим договором упомянуты спошения, которые имели место между гераклеотами и преемниками римских стратегов, т. е. Сципионом. Это связано и с успешными действиями римлян против галатов (экспедиция Вульсона), благодаря чему греки, страдавшие от набегов последних, увидели в лице римлян своих защитников. В дальнейшем договор этот не раз получал реальные подтверждения. Так, в 168 г. гераклеоты отправили римлянам, воевавшим с Персеем, две триеры (L i v , XI.II, 56); именно в ответ на это они и могли получить письмо от Эмилия Панта, бывшего тогда консулом. Наконец, во время войны между Пруссией II Вифинским (182—149) и Пергамом, когда Гераклея потерпела ущерб от действий вифинян, а римляне, пытаясь прекратить эту войну, отправляли в Малую Азию специальные посольства, римский легат Квинт Фабий Максим посетил и Гераклею и привез ее гражданам письмо, очевидно, от консула (154 г. до н. э.). См. CIG, II, 3800, а также Роду б., XXXIII, 9; 13, 4—10.

лежавший гераклеотам, назвав его вместо Киера Прусиадой¹. Взял он и Тиос, также подвластный им, так что охватил Гераклею своими владениями от моря до моря. (2) Затем он крепко осадил и ее и многих из осажденных убил. Город был бы *уже близок от того, чтобы быть взятым*, если бы Пруссия не был ранен в голень камнем, брошенным кем-то из тех, кто находился на зубцах стен в то время, когда он взбирался по лестнице. Это несчастье заставило царя снять осаду. С трудом он возвратился домой, немомый, раненый, вифинами на носилках. После этого он прожил немного лет и окончил жизнь, будучи хромым на деле и называемый *таковым*².

XXVIII. Жившие близ Понта галаты в то время, когда римляне еще не переправились в Азию, имея желание овладеть выходом к морю, пытались сперва захватить Гераклею, считая, что это не составит для них труда; ведь она многое потеряла из своей прежней мощи и пришла в пренебрежение у своих соседей. Варвары напали на нее всеми своими силами, но она, озабочившись о союзниках, приготовилась, насколько позволял момент. (2) Итак она была осаждена. Шло время, и у галатов оказался недостаток в необходимом. Ведь муж-галат умеет вести войну лишь по настроению, а не с помощью необходимых приготовлений. Когда они [т. е. галаты] оставили свой лагерь для сбора продовольствия, те [т. е. гераклеоты] выбежали из города и, неожиданно напавши на лагерь, взяли его и многих убили. Они [т. е. гераклеоты] захватили без труда всех тех, которые разбрелись по стране в поисках продовольствия, так что даже третья часть галатского войска не вернулась в Галатию. На основании случившегося *зраждане* возымели надежды возвратиться к прежнему счастью и славе.

XXIX. Гераклеоты оказали военную помощь римлянам против марсов, пилигнов и маррукинов (народы же эти живут за Ливией, рядом с Гадейрами) двумя триерами-катафрактами. И, завершив счастливо войну вместе с союзниками и удостоенные многих наград, эти триеры на одиннадцатый год возвратились в отчество³.

XXX. После этого началась тяжелая война с римлянами у Митридата, царя Понта, очевидной причиной которой было владение Каппадокией⁴. Митридат покорил ее, хитростью заманив и собственоручно убив своего племянника Арату *после клятв жить с ним в мире*. Мальчик же Арат был рожден Ариаратом от сестры Митридата. (2) Митридат с детства был кровожаднейшим из людей. Захватив власть тринадцатилетним, он вскоре, бросив в тюрьму свою мать, оставленную ему отцом соправительницей царства, убил ее насилием и продолжительностью заключения. Он убил также своего брата. Путем войны он подчинил себе царей вокруг Фасиса вплоть до областей за Кавказом и таким образом

¹ Прусиада на Гипии, современный Ушкуб.

² Речь идет о Пруссии I (235—182). В то время, как S t ä h e l i n (*Geschichte des kleinasischen Galater*, Lpz., 1907), E. M e u e r (*Die Grenzen der hellenisch-sischen Staaten Kleinasiens*, Lpz., 1925, и R o s t o w z e w (ук. соч.) считают, что виновниками утери гераклеотами их владений, а именно городов Киера и Тиоса, был Пруссия I, A. J o n e s (*The Cities of the Eastern Roman Provinces*, Oxford, 1937) видит такого в Пруссии II (182—149). С последним нельзя согласиться, так как во времени Пруссии II Гераклея была в союзе с римлянами и те не допустили бы столь существенного ущемления интересов своего союзника. Вифинские цари могли безнаказанно развивать экспансию лишь до прихода римлян в Азию.

³ Одно из ярких спидетельств необычайно путаного представления Мемнона о римских делах, поскольку итальянские народности марсов, пилигнов и маррукинов Мемнон помещает куда-то не то в Испанию, не то в Мавретанию. Речь идет, быть может, о Союзнической войне. Источником для Мемнона в данном случае могла послужить надпись в честь возвращавшихся с успехом триер.

⁴ Ср. А р р., M i t h r., 10. О Понтийском царстве см. S t r a b o, XII, 3, 1.

возвеличил свою власть и чрезвычайно возгордился¹. Благодаря этому римляне стали особенно подозрительно относиться к его замыслам и постановили, чтобы он возвратил царям скифов отцовские владения. (3) Царь скромно внимал приказаниям, а между тем привлек в союз и парфян, и медов, и Тиграна Арменийского, и скифских царей, и иберского². Он сделал так, что возникли и другие причины войны. Находящийся в Риме сенат утвердил царем Вифинии Никомеда, сына Никомеда и Нисы, а Митридат противопоставил Никомеду Сократа, по прозвищу Хреста. Однако против воли Митридата возымело силу решение римлян³.

XXXI. Позднее в Римской республике вспыхнули раздоры между Суллой и Марием. Митридат передал стратегу Архелаю сорок тысяч пехоты и десять тысяч конницы, приказав ему предпринять поход против вифинов. Из завязавшегося сражения выходит победителем Архелай, а Никомед бежит с немногими приближенными. Митридат узнал об этом, и, когда к нему пришли союзные войска, он, двинувшись из равнины близ Амасии, пошел через Пафлагонию, ведя стопятисятисильное войско⁴. (2) Маний же, когда сражавшиеся под его командой солдаты Никомеда рассеялись при одном известии о Митридате, выступает с немногими римлянами против Менофана, стратега Митридата, и, разбитый, бежит, бросив все силы. (3) Вторгшись безнаказанно в Вифинию, Митридат без боя захватил города и страну. Из остальных городов Азии одни он захватил, другие сами перешли на сторону царя. И сразу произошло изменение обстановки. Только родичи остались в дружбе с римлянами. Поэтому Митридат начинает против них войну на суше и на море. Однако родичи обладали превосходством, так что в морском сражении Митридат сам едва не оказался взятым в плен⁵. После этого Митридат, поняв, что рассеянные по городам римляне служат помехой его замыслам, предписывает всем полисам, чтобы в один и тот же день были убиты все живущие там римляне. И многие, повиновавшиеся ему, совершили такое убийство, что в один и тот же день восемьдесят тысяч человек нашли гибель от меча⁶.

XXXII. Когда же Эретрия и Халкида, а затем и вся Эвбея перешли к Митридату⁷, когда присединились к нему и другие города и даже лакедемоняне были побеждены, римляне отправили против него Суллу, послав с ним надлежащее войско. Прибыв на место военных действий, он склонил часть городов к отпадению, а остальными овладел силой, обратив сражением в беспорядок немалое войско понтийцев⁸. Он взял и Афины, и город был бы разрушен до основания, если бы сенат римлян не задержал поспешно намерения Суллы. (2) После многократных схваток, в которых одерживали верх понтийцы, после того, как сменялись успехи сражавшихся, у царских войск оказалась нужда в продовольствии, потому что они

¹ Strab. XI, 2, 17—19 (Theophr. Muyt., фр. 2—5, FHG, III, 314—315).

² Апр., Mithr., 13; 15.

³ Апр., Mithr., 10. По Мемнону, инициатором и виновником войны был Митридат. Таким образом, Мемнон расходит с Апианом, возлагающим всю вину за возникновение войны на римлян, а именно, на римских полководцев, в частности, на Мания Аквиллия (Mithr., 17; 19). Апиан подробно говорит о мирных устремлениях Митридата (Mithr., 11; 15), чего нет у гераклеота Мемнона. Возможно, что, в противоположность Апиану, Мемнон пользовался источником римской ориентации.

⁴ Апиан (Mithr., 17) дает преувеличенные цифры, а именно, Митридат будто бывел 250 тыс. пехоты и 40 тыс. конницы. Reinach (Mithr. Eup., Lpz., 1895, стр. 125) принимает данные Мемнона; точно так же он придерживается данных последнего в отношении потерь Митридата и римлян в битве при Калхедоне в 73 г. (см. Memn., 39). Ср. стр. 308, прим. 1.

⁵ Апр., Mithr., 24—27.

⁶ Апр., Mithr., 22—23; ср. Plut., Sylla, 24; Dio, фр. 244.

⁷ Dio, фр. 245.

⁸ Апр., Mithr., 31—45; Plut., Sylla, 11—14; Dio, фр. 250—256.

беззаботно относились к этому и не умели правильно распределять продовольствие. *Они* впали бы в крайнюю нужду, если бы Таксилл не взял Амфиполя, вследствие чего Македония перешла к нему. Оттуда он доставил большое количество необходимого. (3) Соединив войска, он и Архелай имели *войско* в количестве более шестицати тысяч человек¹. *Они* расположили *свой* лагерь в Фокидской земле, выйдя навстречу Сулле. Тот же, соединившись с Луцием Гортенсием, ведшим из Италии свыше шести тысяч, всегда располагался лагерем на постоянном расстоянии от него². Когда воины Архелая неорганизованно отправились на сбор продовольствия, Сулла неожиданно атакует вражеский лагерь. Наиболее сильных из захваченных он тотчас убивает, *a tex*, со стороны которых он не боялся нападения, ставит вокруг этого места и приказывает зажечь огни, чтобы у возвращающихся с фуржировки не было никакого сомнения относительно совершившегося. И все произошло, как было определено; таким образом воины Суллы одержали блестящую победу³.

XXXIII. Митридат, обвинив хиосцев в том, что они являются союзниками родийцев, высылает против них Дорилая, который, хотя и с большим трудом, взял город⁴. Он разделил землю среди понтийцев, погрузил граждан на корабли и послал их в Понт⁵. (2) Гераклеоты же, поскольку они были в дружбе с хиосцами, напали на понтийские корабли, которые везли плениных, при прохождении их мимо их города. Корабли не оказали сопротивления (ведь у них было недостаточно сил), и те отвели их в свой город. Приняв хиосцев, они тогда щедро снабдили их всем необходимым и впоследствии возвратили на родину богато одаренных.

XXXIV. Между тем сенат отправляет на войну с Митридатом Флакка Валерия и Фимбрию, предписав им действовать в войне совместно с Суллой, если тот окажется в согласии с сенатом; если же нет, то с ним первым вступить в борьбу⁶. Тот же сначала прошел через различные несчастья (ведь он претерпел и голод и поражения в битвах), однако больше имел успех. Переправившись через пределы византийцев в Вифинию, а оттуда перейдя к Никее, он остановился на пути. Так же переправился и Фимбрания вместе со своими. (2) Флакк чувствовал досаду от того, что Фимбранию, поскольку он командовал человечно, масса более любила, он ругал его и наиболее славных из его воинов. Двое из них, более других воспылав гневом, убили его⁷. Сенат из-за этого негодовал на Фимбранию. Однако, скрыв свое негодование, он хлопотал об избрании его в консулы. Тот же, став предводителем всех сил, одни из полисов привлекает на свою сторону с их согласия, другие же подчиняет силой. Сын Митридата, имея с собой Таксилла, Диофанта и Менандра, лучших стратегов, и ведя большое войско, кинулся навстречу Фимбранию⁸. (3) Вначале побеждали варвары. Фимбрания намеревался хитростью восполнить потери, понесенные в сражениях (вражеское войско имело превосходство в численности). Когда оба войска сражавшихся достигли какой-то реки, так что она оказалась посередине между ними, полководец римлян около рассвета, когда шел дождь, неожиданно переправился через поток и напал на врагов, объятых сном в палатках. Он перебил их прежде, чем они заметили

¹ Plut., Sylla, 15.

² Там же.

³ Очевидно, эта стычка происходила до битвы при Херонее. См. Plut., Sylla, 18—22; Арр., Mithr. 49—50; см. также Reinp., Mithr. Eup., 162—168.

⁴ Strab o, X, 4, 10; XII, 3, 35.

⁵ Posid., фр. 39, FHG, III, 265—266.

⁶ Арр., Mithr., 51; Plut., Sylla, 20.

⁷ Арр., Mithr., 52; Dio, фр. 257; Strab o, XIII, 1, 27.

⁸ Арр., Mithr., 52—53.

нападение, и лишь немногие из офицеров и всадники избежали гибели. Среди них был также Митридат, сын Митридата, он спасается в Пергам к отцу Митридату вместе с теми, которые бежали с ним. Когда, таким образом, с царскими войсками произошло это ужасное и выдающееся несчастье, большинство из городов перешло на сторону римлян.

XXXV. Когда Марий вернулся из изгнания, Сулла боялся (поскольку он принадлежал к противной партии), как бы ему не пришлось поплатиться за насилие над ним подобным же изгнанием¹. Он отправил посольство к Митридату, предложив ему условия мира с римлянами. А тот, будучи доволен этими условиями и домогаясь встречи для заключения договора, сам охотно отправился в путь². (2) И когда оба достигли среднего пункта между своими силами, Дардан предоставляет им свое гостеприимство для ведения переговоров. Удалив спутников, они заключили соглашение. Условия были следующие: Митридат уступает римлянам Азию; вифини и Каппадокия должны управляться своими наследственными царями; за Митридатом закрепляется царство всего Понта. Он же должен выставить особо Сулле восемьдесят триер и выдать три тысячи талантов для возвращения его в Рим³; римляне же не должны чинить никакого вреда городам за то, что те отложились к Митридату⁴. (3) Однако это последнее произошло не по соглашению; ведь впоследствии римляне поработили многие из этих городов. Таким образом. Сулла с честью возвратился в Италию, и Марий тотчас покинул город. А Митридат возвратился домой и взял в свои руки многие из народов, которые отложились от него вследствие постигших его неудач.

XXXVI. Сенат отправляет военачальником Мурену⁵. Митридат шлет к нему послов, предъявляя ему договор с Суллой и одновременно прося его утвердить. Но тот не принял посольства (а ведь послы, будучи эллинами по происхождению и философами по образу жизни, больше порицали, чем одобряли Митридата) и двинулся против Митридата; он утвердил власть Ариобарзана над Каппадокией, а на подступах к царству Митридата основал город Экинью (*Ἐκίνεια*)⁶. (2) В этих обстоятельствах и Мурена и Митридат отправляют послов к гераклеотам, призываю их каждый в свою очередь к союзу против другого. Но, в то время, как им представлялась страшной сила римлян, они боялись и соседства Митридата. Поэтому они отвечают прибывшим к ним послам, что при стольких разразившихся войнах можно едва лишь сохранить свою землю, не то что помогать другим⁷. (3) Многие советовали Мурене двинуться к Синопе и повести войну за царскую резиденцию, так как если бы он взял ее, то легко овладел бы и остальным. Митридат, поручив ее значительному гарнизону, сам принялся за ведение войны. В первых стычках войска царя

¹ Слова недостаточное знание Мемноном римских дел.

² По Аппиану (Mithr., 54) инициатива была у царя. Мемнон представляется более объективным, когда он подчеркивает стремление к миру у обеих сторон. Однако, уделив значительное внимание фимбрианцам, Мемнон не показал полностью их роли, безусловно определившей поспешность Суллы.

³ О Дардане см. Strab., XIII, 1, 28. Об условиях договора — App., Mithr., 44—58; Plut., Sylla, 22 (70 триер и 2000 талантов); Dio, фрр. 258—261.

⁴ Данная статья имеется только у Мемнона. Моммзен (ИР. II, 1937, стр. 281) считает, что это условие «мало правдоподобно уже ввиду характера победителя и побежденного». Тем не менее этот пункт тесно увязан с городской политикой Митридата, который провозглашением подобной статьи надеялся, вероятно, гарантировать расположение к себе городов. Последние могли ему пригодиться в будущих столкновениях с римлянами.

⁵ Ср. App., Mithr., 64.

⁶ Reisch (Mithr. Eup., 298) предполагает, что название было Likineia по имени Мурены.

⁷ См. стр. 301, прим. 1.

побеждали. Затем успех в битвах стал почти равным, и, *наконец*, *воинственный* пыл врагов взаимно ослабел под влиянием битв. Поэтому Митридат отправился в *области* вокруг Фасиса и Кавказа, а Мурена отступил в Азию и каждый занялся своими делами¹.

XXXVII. Вскоре после этого Сулла умирает в Риме; сенат посыпает в Вифинию Аврелия Котту, а в Азию Луция Лукулла с поручением вести войну с Митридатом². А Митридат подготовлял новое многочисленное войско. У него было 400 триер и большое число меньших кораблей — пентеконтер и керкур³. Дав войско Диофанту, сыну Митара, он посыпает его в Каппадокию расставить по городам гарнизоны; если же Лукулл придет в Понт, встретить его и помешать дальнейшему его продвижению. (2) Сам же он вел с собой сто пятьдесят тысяч пешего войска, двенадцать тысяч конницы; у него имелось 120 серпоносных колесниц и не было недостатка во множестве всякого рода машин⁴. Царь быстро прошел через Тимонитскую Пафлагонию в Галатию и на девятый день достиг Вифинии⁵. Между тем Лукулл приказывает Котте пристать со всем флотом в гавани калхедонцев⁶.

XXXVIII. Флот Митридата проплыval мимо Гераклеи. Она *его* не приняла, но предоставила просимое продовольствие. Как это обычно бывает, когда встреча произошла, Архелай, стратег флота, захватил двух знатных мужей из Гераклеи — Силена и Сатира и не отпускал их до тех пор, пока не убедил помочь ему в войне с римлянами пятью триерами. (2) И когда это было исполнено, гераклейский народ (как и замыслил Архелай) приобрел себе вражду римлян. Когда в других городах были учреждены римлянами откупа, по указанной выше причине и Гераклея подверглась общей участи. (3) В город пришли откупщики и против обычая политии стали требовать денег, чем повергли граждан в уныние, так как те сочли, что это — начало рабства. Последние, отправивши посольство к сенату с требованием отмены откупов, по призыву кого-то из храбрейших в городе тайно напали на откупщиков, так что об их гибели никто не узнал⁷.

XXXIX⁸. В то время как у города Калхедона произошла морская битва между римлянами и понтийцами, сошлись на битву друг с другом и сухопутные силы царские и римские (одними командовал Котта, другими — Митридат). В этом сражении бастерны обращают в бегство пехоту италов и учиняют великую резню среди них. (2) Так же случилось и во флоте, и, таким образом, в один день на землю и море были опозорены трупами римлян. В морском сражении их пало восемь тысяч, четыре тысячи пятьсот были взяты в плен; из пешего войска италов пало пять тысяч трехста. Из Митридатовых воинов пало около тридцати бастернов, а из остальной массы — семьсот человек⁹. (3) Так Митридатова удача поработила дух всех. Но Лукулл, расположившийся лагерем у реки Сангария, узнав о несчастье, поднимал речами павших духом воинов.

¹ А р р., Mithr., 64—66.

² Р l u t., Luc., 7.

³ Легкие кипрские корабли.

⁴ О силах царя см. А р р., Mithr., 70; D i o, XXXV, 1; S t r a b o, XIII, 3, 41.

⁵ А р р., Mithr., 71.

⁶ Р l u t., Luc., 8; S t r a b o, XIII, 4, 2.

⁷ Порядок событий у Мемнона, повидимому, искажен; Архелай, видимо, провел в жизнь свой план, зная уже об актах враждебности гераклеотов по отношению к римлянам, так как гераклеоты могли отправить посольство в Рим с какими-либо просьбами, конечно, до того, как их народ «приобрел себе вражду римлян». Кроме того, см. стр. 301, прим. 1.

⁸ 73 г., дол. э., весна.

⁹ Р l u t., Luc., 46—47; А р р., Mithr., 71; см. также стр. 296, прим. 4.

XL¹. Когда же Митридат обратил *свои* гордые помыслы на Кизик и решил осадить город, Лукулл, преследуя *его* и завязав бой, побеждает в битве понтийцев, очень скоро более десяти тысяч их были убиты, а тридцать тысяч взяты в плен². Войско фимбрианцев, находясь под подозрением, поскольку командиры из-за *их* поступка в отношении Флакка до сих пор не доверяли им, тайно послало к Митридату с обещанием перейти на *его* сторону³. (2) Последний, восхищенный неожиданной удачей, как только спустилась ночь, посыпал к ним Архелая, чтобы *тот* утвердил условия перехода и привел перебежчиков. Но когда Архелай пришел к ним, фимбрианцы захватили его, а тех, кто был с ним, убили. (3) В дополнение к этому несчастью царя его войско поражает голод и многие гибнут⁴. Претерпевая, кроме того, многочисленные несчастья, царь между тем не прекращал осады Кизика; однако вскоре, многое испытав и совершив, он отошел, оставив город невзятым. Поставив во главе пехоты Гермей и Мария, которые имели более тридцати тысяч войска, он сам решил возвратиться домой морем⁵. (4) Однако при посадке его на триеры произошло множество различных неприятностей. Желающие сесть на них привешивались к ним, а из кораблей одни уже были переполнены, другие же должны были *вот-вот* наполниться. Из-за множества людей одни корабли затонули, а другие перевернулись. (5) Заметив это, кизикии устремились на лагерь понтийцев и убили оставленных там больных, а помимо того, разграбили все, что было оставлено в лагере. Лукулл же, преследуя до реки Айсепа пехоту, неожиданно нападает на нее и производит большое кровопролитие среди врагов⁶. Оправившись, насколько это было возможно, Митридат осадил Пейринф, но, претерпев неудачу и здесь, переправился в Вифинию.

XLI. После того, как пришел Барба, приведя значительное количества италиков, а сверх того, и Триарий, полководец римлян, передвинувшись, осадил Апамею, апамейцы, насколько могли, сопротивлялись, но напоследок, открыв ворота, впустили осаждавших⁷. Войско римлян взяло также город Прусу. Он расположен у подножья Азиатского Олимпа. (2) Оттуда Триарий переходит с войском в приморскую Прусиаду. Она в древности называлась Киером⁸. Говорят, что сюда приставал «Арго», здесь произошли исчезновение Гила и блуждания Геракла в поисках его и многое другое такого же рода. Прусицы легко приняли подошедшего, изгнав понтийцев. (3) Оттуда он переходит в Никею, охраняемую митридатовым гарнизоном. Понимая, что жители Никеи склоняются в сторону римлян, понтийцы ночью ушли к Митридату в Никомедию, и римляне без труда овладели городом (4). Сам же город Никея ведет свое название от наяды-нимфы, имевшей имя Никея⁹. Город основали никейцы, воевавшие вместе с Александром и после его смерти в поисках отечества заложившие и населившие его. Рассказывают, что наяды Никея произошла от правившего в этой местности Сангарида и Кибелы. Стремясь более к девственности, чем к браку, она проводила жизнь в горах на охоте. (5) Ее полюбил, но безуспешно, Дпонис. Испытав неудачу, тот попытался испол-

¹ 73—72 гг. до н. э.

² Strab o, XII, 8, 11; A p p., Mithr., 73—76.

³ Plut., Luc., 9.

⁴ A p p., Mithr., 76.

⁵ Там же; Марк Марий, посол Сертория.

⁶ О реке Айсеп см. Strab o, XIII, 1, 10; A p p., Mithr., 76.

⁷ A p p., Mithr., 77; об Апамее — Strab o, XII, 8, 5—16.

⁸ A p p., Mithr., 77; Мемнон путает Прусиаду на море с Прусиадой на Гипии (Киер). См. также Mem. n., 47, где говорится о взятии Коттой Прусиады-Киера.

⁹ Strab o, XII, 4, 7.

нить свое желание с помощью хитрости. Итак, тот источник, из которого Никея привыкла пить, когда бывала утомлена охотой, он наполняет вместо воды вином. Та же, ничего не подозревая и напившись, как обычно, насыщается коварной жидкостью и покоряется, хотя и невольно, желаниям влюбленного. Когда она, опьянев, уснула, Дионис соединяется с ней. Он имел от нее детей — Сатира и других. (6) Никейцы, которые основали и заселили город, имели родиной Никею, соседнюю с Фокидой. Так как они часто враждовали с последней из-за этого самого города, они позднее лишились отечества, так как жители Фокиды приложили много стараний к тому, чтобы разрушить и уничтожить его. Так вот Никея была названа и построена и присоединилась к римлянам.

XLII. Митридат находился в Никомедии. Котта, желая вернуть что-нибудь из ранее утерянного, перешел от Халкедона, где он потерпел поражение, к Никомедии и расположился лагерем в 150 стадиях от города, готовясь к решительному сражению. Триарий по собственной воле с большой поспешностью следует за Коттом, и, когда Митридат заперся в городе, римское войско стало готовиться осадить его с обеих сторон. (2) Когда же царь узнал, что в двух морских сражениях, одном у Тенедоса, другом — в Эгейском море, понтийцы оказались разбитыми Лукуллом, он счел, что не в состоянии бороться с настоящими силами римлян, и отплыл с флотом в Понт. Застигнутый суровой зимой, он теряет некоторые триеры, а сам с большинством кораблей удалился к реке Гипию. (3) Здесь царь перезимовал и узнал, что Ламах гераклеот, с которым он был связан старинной дружбой, правит государством. Многими обещаниями он привлек его, чтобы тот подготовил ему прием в городе; посыпал он и деньги. (4) Тот исполнил просьбу царя и, приготовив за городом роскошное пиршество для граждан и приказавши не закрывать под этим предлогом городские ворота, он напоил народ допьяна, по договору предварительно тайно приготовив все к тому, чтобы Митридат явился в тот же самый день. Итак, город оказывается в руках Митридата, в то время как гераклеоты даже не подозревали о его приходе. (5) На следующий день, созвав народ, царь заискивал у него дружественными речами и уговаривал сохранить благосклонность к нему. Он оставил в городе четыре тысячи человек гарнизона и фуруарха Коннакорика под предлогом того, что, если римляне вздумают напасть, они будут защищать город и охранять живущих в нем. Распределив затем среди жителей города, а особенно среди магистратов деньги, он отплыл в Синопу¹.

¹ В отношении ГераклеиPontийской Митридат был вынужден держаться совершило иной политики, чем, например, в отношении тех азиатских городов, которые испытали тяжесть римского гнета. Гераклея, бесспорно, с самого начала войны находилась в сфере интересов царя. Это явствует из ее выгодного положения: ведь она могла быть использована в качестве базы для флота. Митридат знал, конечно, о старинных дружественных отношениях Гераклеи и Рима (см. М е п., 26 и стр. 294, прим. 1), хотя эти отношения к началу Митридатовых войн и испытали известную эволюцию. Гераклеоты, видимо, предпочитали союзу и дружбе нейтралитет; между прочим яркое выражение этого можно видеть в ответе гераклеотов послам Рима и Понта (М е п., 36). Однако следует подчеркнуть, что гераклеоты не всегда соблюдали свой нейтралитет; примером этого может служить оказание гераклеотами помощи пленикам-хиосцам, которых везли в Понт (М е п., 33). Данный факт особенно интересен, поскольку он имел место в период успехов Митридата в Азии, и надо полагать, что гераклеотов связывала с хиосцами особая дружба, раз они осмелились на столь опасный и, конечно, могущий вызвать серьезные последствия акт. Митридат в тот период, очевидно, не считал возможным отвлекаться для подчинения Гераклеи. В конце концов Митридат, как видно из М е п., 38, ограничился тем, что сделал Гераклею базой для понтийского флота, следствием чего явилась враждебность к ней римлян (см. стр. 299, прим. 7). Но по мере того, как действия римлян с приходом Лукулла активизировались, это положение уже не удовлетворяло царя. Соединив хитрость, силу и предательство Ламаха, Митридат захватил город (М е п., 42), причем все обстоятельства этого

XLIII. Лукулл, Котта и Триарий, стратеги-автократоры римлян, соединившись около Никомедии, стремились вторгнуться в Понт. Когда же им возвестили о взятии Гераклеи, предательство же еще не было известно, они сочли, что отпадение было вызвано желанием всего города. Было решено, что Лукулл пойдет с главными силами через внутренние области в Каппадокию против Митридата и всего его царства, Котта — против Гераклеи, а Триарий, собрав флот в Геллеспонте и Пропонтиде, будет перехватывать на возвратном пути митридатовы корабли, посланные на Крит и в Иберию. (2) Митридат узнал обо всем этом и готовился. Он отправил посольства к царям скіфов, к парфянину и к своему зятю Тиграну Арменийскому¹. Но все остальные отказали, и лишь Тигран из-за частых просьб дочери Митридата обещал помочь союзнику. Против Лукулла Митридат послал различных стратегов. Когда произошло сражение, счастье было переменным, в большинстве, однако, преуспевали римляне. (3) Царь пал духом. Он собрал сорок тысяч пехоты и восемь тысяч конницы в добавление к посланным ранее и отправил Диофанта и Таксилла. Когда те подошли к опередившим их частям, враги сначала почти беспрерывным обстрелом испытывали силы друг друга. Затем произошли два сражения конницы, в одном из которых победили римляне, а в другом — pontийцы. (4) И пока война велась таким образом, Лукулл высыпал в Каппадокию людей, чтобы они доставили оттуда провиант. Таксилл и Диофант узнают об этом и высыпают четыре тысячи пехотинцев и две тысячи всадников, чтобы те устроили засады и отняли у возвращающихся провиант. В произошедшей схватке победили римляне. Лукулл послал помочь своим, и бегство варваров стало открытым. (5) Идя по стопам бегущих врагов, войско римлян вышло к лагерю Диофанта и Таксилла. Там началось сильное сражение, pontийцы сопротивлялись недолго. Едва стратеги первыми отступили, все войско дрогнуло. Стратеги сами пришли к Митридату с вестью о поражении; погибло тогда огромное количество варваров.

XLIV². Таким образом, судьба Митридата явно склонилась к несчастью — жены царские были умерщвлены³, а самому царю пришлось тайно от подданных бежать из Кабейр, где он находился. Он оказался бы в плену во время бегства, поскольку его преследовали галаты (хотя они и не знали бегущего в лицо), если бы, встретив мула, нагруженного золотом и серебром из Митридатовых сокровищ, они не задержались за их грабежом. А сам он ускользает в Армению.

XLV. Лукулл выслал против Митридата полководцем Марка Помпея, а сам со всем войском попал в Кабейры и, осадив город, принудил варваров сдаться по договору и овладел стенами⁴. (2) Отсюда он перешел к Амисе и уговаривал речами жителей сдаться римлянам. Когда он не убедил их, оставив ее, он перенес осаду на Эвзаторию⁵. Он притворился, что осаждает ее небрежно, чтобы вызвать и врагов на такую же небрежность, а

захвата очень напоминают тонко продуманную и прекрасно разыгранную театральную пантомиму. Притом царю настолько удалось убедить гераклеотов, что они их защитят от римлян, что впоследствии, накануне предательской сдачи города Триарию, оставленный здесь начальник pontийского гарнизона Коннакорик смог успокоить волновавшихся граждан напоминанием о союзе Митридата с Тиграном и совершенно голословным указанием, что на помощь осажденному городу идет большое войско (М е т п., 51). Коннакорик, как явствует из его имени, был кельтом; относительно его воинов нельзя сказать ничего определенного.

¹ А р р., Mithr., 78; ср. Р I u t., Luc., 22.

² Осень 71 г. до н. э.

³ Р I u t., Luc., 18.

⁴ Р I u t., Luc., 18.

⁵ А р р., Mithr., 78; Р I u t., Luc., 15.

сам был готов в то же время внезапно возбудить в своих воинах воинственный пыл. (3) Это и произошло, и таким образом, благодаря хитрости, город был взят; *в то время, как стражка, ни о чем подобном не догадываясь, вела себя беззаботно, он приказал воинам взять лестницы и поручил им по лестницам взобраться на стены.* Эвпатория таким образом была взята и тотчас же разрушена. Вскоре была взята Амиса благодаря тому, что враги опять-таки по лестницам взобрались на ее стены. Вначале происходило огромное убийство граждан, но потом Лукулл прекратил избиение и возвратил город и область тем, кто успел спастись, и обращался с ними милостиво.

XLVI. Придя к зятю и желая побеседовать с ним, Митридат, однако, не достигнул этого, но получил от него личную охрану¹ и в остальном пользовался гостеприимством. (2) Лукулл отправил к Тиграну послом Апия Клодия, требуя выдачи Митридата. Тот же не выдал, заявивши, что он остерегается порицания от всех людей, если предаст отца своей жены. Он, конечно, сам знает, насколько плох Митридат, однако стыдится родни. (3) Он пишет Лукуллу письмо, содержащее сказанные слова, которое раздражило последнего; ведь он не назвал его императором, упрекая за то, что тот не приветствовал его в письмах царем царей². Здесь кончается пятнадцатая книга «Истории».

ИЗ XVI КНИГИ

XLVII³. Следующая книга «Истории» содержит вот что. Взяв римские войска, Котта двинулся против Гераклеи. Сначала он привел свое войско в Прусиаду (Прусиада же прежде называлась от протекающей мимо нее реки Киером, но царь Вифинии, отняв этот город у гераклеотов, переименовал его по своему имени). Оттуда он спустился кPontийскому морю и, пройдя приморскую область, расположили свое войско *вокруг стен, идущих вниз с вершины горы*⁴. (2) Гераклеоты полагались на укрепленность места⁵ и, когда Котта стеснил город осадой, сражались вместе с гарнизоном. Из римского войска многие были убиты, а среди гераклеотов оказалось много раненных метательными орудиями. Поэтому Котта отозвал войско от штурма стен и, разбивши лагерь несколько дальше, обратил все внимание на закрытие для осажденных *всех необходимых выходов*. Жители города испытывали недостаток в необходимом продовольствии и отравили посольство к своим колонистам (*πρεσβεία πρὸς τοὺς ἀποίκους ἐξεπέμπετο*), прося продовольственной помощи путем продажи. Послы были хорошо приняты⁶.

¹ Апп., Mithr., 82.

² Plut., Luc., 19, 2; 21, 7—9; см. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, 1943, стр. 84.

³ В этой и последующих главах описывается осада Гераклеи в 72—70 гг. до н. э.

⁴ План Гераклеи см. D i e s t, Von Pergamon durch Dindymos nach Pontos, Gotha, 1889.

⁵ См. Мепп., 27—28; Гераклея выдержала успешно осаду Пруссии I и написк галатов.

⁶ Сравнивая это место с фразой из Мепп., 49: διεπρεσβεύετο γοῦν πάλιν πρός τε τοὺς ἐν Σκυθίᾳ Χερρονησίας καὶ Θεοδοσιανοὺς καὶ τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δυνάστας ὑπέρ συμμαχίας, следует заключить, что Гераклея в обоих случаях получала помощь от Херсонеса и Феодосии. Имеются данные о дружественных отношениях между гераклеотами и феодосийцами: гераклеоты оказывали Феодосии продовольственную помощь в момент, когда та осаждалась Левконом I (см. Ролуаен., V, 9, 4). Гераклея активно сбывала в Феодосию свои вина — там обнаружено много фрагментов гераклейской клейменой керамики. В нумизматике Феодосии IV в. имеются явные подра-

XLVIII. Незадолго перед *тем* Триарий, командовавший римским флотом, напал из Никомедии на pontийские триеры, которые, *как* указывалось выше, были посланы на Крит и в Иберию¹. Зная, что остальные ушли в Понт (ибо многие *из* них пришли в негодность и *из-за* зимы, и, отчасти, из-за морских сражений), он нападает на них, завязывает битву у Тенедоса. У него было семьдесят триер, *в то время как* pontийцы привели немного меньше восьмидесяти. (2) Когда началась битва, царские корабли сначала выдерживали *натиск неприятеля*, но затем произошло жестокое поражение их. Таким образом, весь Митридатов флот, который вышел вместе с ним в Азию, был захвачен.

XLIX. Котта стоял лагерем у Гераклеи, он не осаждал ее пока еще всем войском, но подводил *к стенам* по частям некоторых из римлян, бросая вперед главным образом вифинов. Поскольку в его войске было много раненых и убитых, он вознамерился применить машины, из которых осажденным казалась наиболее ужасной черепаха. (2) Соединив все *свои* силы, он подвел *их* к одной башне, которую, казалось, легко можно было разрушить. Когда же *после* первого и второго ударов башня не только против ожидания продолжала держаться, но у тарана *от* основного ствола отломилась головная часть, дух гераклеотов поднялся. Котту же это несчастье потрясло, он испугался, что *ему* никогда не удастся взять город. (3) На следующий день, опять подведя машину и ничего не достигнув, он сжигает приспособление, а делавшим машину отрубает головы. Оставив *у* стен отряд, он с остальным войском отправился на равнину, называемую Ликейской, так как это место изобиловало *всем* необходимым. Отсюда он опустошал всю местность вокруг Гераклеи, и граждане оказались в большом затруднении. (4) Поэтому они снова отправили послов к херсонесцам и феодосийцам в Скифию и к династам Боспора, прося союза (*διεπρεψεύετο γοῦν πάλιν πρός τε τοὺς ἐν Σκυθίᾳ Χερρονησίτας καὶ Θεοδοσιανοὺς καὶ τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δυνάστας ὑπὲρ συμμαχίας*); и посольство возвратилось с успехом. В то время, как враги теснили город, прибавились не многим меньшие внутренние потрясения. Ведь солдаты гарнизона не были довольны тем, чем жил народ, они произвели избиение граждан и заставили *их* снабжать их продовольствием, что было *для тех* нелегко. Значительно бесстыднее *других* солдат был начальствовавший над ними Коннакорик, который не только не препятствовал, но попустительствовал своим подчиненным в *совершении* насилия. (5) Опустошив *всю* страну, Котта снова подступает *к* стенам. Он видит, что его воины очень нерадивы к осаде, и, прекратив штурм, посыпает за Триарием, чтобы как можно скорее *тот* прибыл с триерами и воспрепятствовал снабжению города с моря.

Л. Итак, взявши те корабли, которые были под *его* командованием, и двадцать родийских кораблей, *так что* в общей сложности получилось сорок три корабля, Триарий переходит в Понт, сообщив Котте о времени *своего* прибытия. В тот же день Котта подвел войско *к* стенам, и стало видно прибытие кораблей Триария. Взволнованные внезапным появлением кораблей, гераклеоты вывели в море тридцать своих, не снабдив их как следует экипажем. Остальных людей они предназначили для защиты города. (2) Гераклейский флот отправился против подплывающих вражеских кораблей. Родийцы первые произвели нападение на корабли

жания изображениям на гераклейских монетах той же эпохи. Все эти данные говорят о тесных связях Гераклеи с Феодосией. Эти данные могут служить аргументом при вышеуказанном толковании текста (т. е., что слово *ἄποικοι* относится не только к Херсонесу, но и к Феодосии), если предположить, что некоторая часть гераклеотов выселилась в Феодосию.

¹ См. Мемн., 43.

из Гераклеи (ведь известно, что по опытности и по храбрости они превосходили остальных), и сейчас же потонули три родийских и пять гераклейских кораблей. Затем вступили в бой и римляне. Испытав многое и многое причинив врагу, больше же все-таки принося вред, они разбили корабли из Гераклеи и заставили их бежать к городу; разбив четырнадцать кораблей. Корабли-победители зашли в большую гавань¹. (3) Котта отозвал пехоту от осады. Корабли Триария по одному выходили из гавани и мешали тем, которые пытались доставить осажденным продовольствие. Город охватила великкая нужда, так что цена *так* называемого хойника пшеницы достигла восьмидесяти аттических монет (*Αττικῶν*)². (4). А сверх других бедствий чума, напавшая на них (или вследствие изменения климата, или из-за необычного рациона пищи), приносила при различных формах страданий различную гибель *γραγίδαναμ*. В этих условиях погиб и Ламах, более мучительной и медленной смертью, чем другие. Болезнь захватила в наибольшей степени гарнизон, так что из трех тысяч погибла тысяча. От римлян не скрылось это несчастье.

Л. Коннакорик, утомленный несчастиями, решил предать город римлянам и гибелью гераклеотов обеспечить себе спасение. Ему способствовал в этом некий муж-гераклеот, ревнитель замыслов Ламаха, по имени Дамофел, ставший фуруархом в городе после гибели Ламаха. Коннакорик, правда, остерегался Котты, как человека с тяжелым характером и не внушающего доверия, но с Триарием он говорился. Не менее быстро к нему присоединился и Дамофел. И, приняв условия, благодаря которым они надеялись обогатиться, они стали готовиться к *совершению* предательства. (2) Окольным путем совершающее предательства проникало в народ. Город сбежался на экклесию и призвал фуруарха. Прославленный в народе муж Бритагор, подойдя к Коннакорику, рассказал ему, в каких обстоятельствах находится Гераклея и что если ему покажется необходимым, то следует ради общего спасения всех вступить в переговоры с Триарием. В то время, как Бритагор сетовал таким образом на положение города, Коннакорик, встав, отрицал, что нужно заключить подобный договор; он притворялся, что, напротив, имеются большие надежды на освобождение; что ему-де известно из писем, что царь хорошо принял своим зятем Тиграном и что в недалеком будущем оттуда надо ожидать значительную помощь. (3) Такую комедию разыграл перед ними Коннакорик. Гераклеоты же, убежденные этими речами (ведь всегда выбирают то, что больше нравится), поверили в этот обман, как в истину. Зная, что теперь они обмануты, Коннакорик около полуночи спокойно посадил свое войско на триеры (ведь согласно договору с Триарием отъезд должен был произойти в безопасности и, если кто что приобрел, разрешалось увезти с собой) и сам отплыл вместе с ними. Дамофел, открыв ворота, принял ворвавшееся в город римское войско и Триария. Одни из них врывались через ворота, некоторые же перелезают через стену. (4) И только теперь гераклеоты узнали о предательстве. Одни из *γραγίδαν* сдавались,

¹ До сих пор в бухте города Эрегли, расположенного рядом с руинами древней Гераклеи, видны остатки двух больших молов. Один из них сохранился больше в своей подводной части, он тянется на расстоянии около 150 м, начиная от мыса Ахерусия, в юго-западном направлении, а затем повергается немногим к востоку. Этот мол ограничивал большую гавань. Другой мол, видный и сейчас над уровнем моря, начинался в средней части гераклейской бухты. Он ограничивал малую гавань, которая, повидимому, была связана с акрополем. Южные части обоих молов не сохранились, так как они оказались жертвой напосов рек Лица (Килич-су) и Калета (Алаплы). Таким образом, здесь имелась, как и в Сиракузах, двойная гавань. См. L e h m a n - H a g t l e b e n, Die antiken Hafenanlagen des Mittelmeers, Leipzig, 1923, стр. 130—131.

² Хойник — дневной рацион хлеба для грека — 1/48 медимна.

другие гибли. Сокровища и имущество разграблялись. Дикая жестокость обрушилась на граждан, так как римляне помнили, сколько они перенесли во время морского сражения и какие беды испытали при осаде. Они не щадили тех, кто сбежался к храмам, но убивали их и у алтарей и у статуй. (5) Поэтому из страха неизбежной смерти многие убегали из стен города и рассеивались по всей стране. Некоторые вынуждены были бежать к Котте. А тот, узнав от них о взятии города и гибели людей и о грабеже добра, воспламенился гневом и быстро пошел к городу. Вместе с ним было разражено и войско, так как оно было не только лишено славы победы, но и у них теми же людьми были отняты все выгоды ограбления. И они бросились бы в непримиримую битву с согламенниками и перебили бы друг друга, если бы Триарий не понял их намерения и не умолил и Котту и войско многими речами; доказав, что выгода приобретается в согласии, он воспрепятствовал междуусобной войне.

ЛII. Когда стало известно, что Коннакорик захватил Тиос и Амистрию, Котта сейчас же послал Триарию, чтобы тот отнял у него эти города. А сам, захватив тех, кто пришел к нему, и людей, взятых в плен, распорядился в остальном с крайней жестокостью. В поисках денег он даже не побоялся тронуть находящиеся в святилищах, но сдвигал статуи и священные изображения, сколь многочисленные, столь и прекрасные в этом городе. Он взял с агоры статую Геракла и его вооружение с пирамиды, которое по роскоши, величию, стройности, изяществу и искусству, с каким оно было сделано, не уступало ничему, что хвалили (2). Там была булава, выкованная молотом, сделанная из чистого золота; на нем была надета большая львиная шкура и колчан из того же материала со стрелами и луком. Множество других прекрасных и удивительных посвящений были взяты из храмов и города и снесены на корабли. И, наконец, он приказал солдатам поджечь город, и он был зажжен во многих частях. Так был взят город, который в течение двух лет выдерживал осаду¹. Триарий между тем прибывает в предназначенные ему города. Он дает Коннакорику (ибо тот намеревался прикрыть предательство Гераклеи взятием других городов) возможность безнаказанного отступления и, согласно договору, овладевает этими городами. Сoverшив все, о чем сказано, Котта послал пехоту и конницу к Лукуллу, а союзников отпускает на родину². Сам же он отплыл с флотом. Из кораблей те, которые везли добычу из этого города,

¹ Весна 70 г. до н.э. Возникает вопрос, в чем секрет столь длительного сопротивления Гераклеи. М о м м з е н (ИР, III, 1941, стр. 55) объясняет это следующим образом: «Упорное сопротивление оказывали лишь города. Правда, немногочисленные города внутренней части страны — Кабира, Амасия, Евпатория, скоро были заняты римлянами, но крупные приморские города, Амис и Синоп в Понте, Амистрида в Пафлагонии, Тиос и Понтийская Гераклея в Бифии — оборонялись с мужеством отчаяния, отчасти воодушевленные привязанностью к царю и охраняемому им греческому свободному городскому строю, отчасти терроризированные шайками привезенных царем пиратов». Однако это объяснение следует признать неверным. Вся предшествующая история Гераклеи объясняет упорство, с каким она выдерживала осаду. Будучи в течение ряда столетий сильным и могущественным городом, Гераклея в период понтийских войн, несмотря на провозглашенную ею нейтралитет (М е ш п., 36), стремилась вести самостоятельную политику, и это продолжалось до тех пор, пока она не оказалась добычей Митридата. Но Гераклея не имела привязанности к царю, так как она была вовлечена в орбиту его интересов лишь благодаря обману и насилию (см. стр. 301, прим. 1). Поэтому в течение 72—70 гг. она отстаивала не дело царя, но свою собственную свободу и независимость и, надо полагать, сопротивлялась римлянам не только силами четырехтысячного гарнизона, оставленного Митридатом, но и силами собственных граждан. Об этом свидетельствует факт жестокой расправы римлян с гераклеотами, причинившими им много бед в период осады (М е ш п., 51). Если бы город защищался лишь силами гарнизона Коннакорика, вряд ли римляне стали бы так по-варварски разрушать его; разрушение города и порабощение граждан было паказанием за столь длительное сопротивление.

² Союзников-вифинов, см. М е ш п., 49.

одни, нагруженные сверх меры, погибли недалеко от берега, другие же, подгоняемые Апартием, выброшены были на мель, и много из узенного добра погибло.

LIII. Леонипп, которому вместе с Клеохаром¹ была поручена Митридатом Синопа, отчаявшись в ходе своих дел, посыпал к Лукуллу относительно предательства. Клеохар и Селевк (это был стратег Митридата, равный по положению с упомянутыми выше), узнав о предательстве Леониппа, собрав экклесию, обвинили его. *Граждане*, однако, не поверили; он казался им честным. (2) Сторонники Клеохара ночью из засады убили этого человека, опасаясь расположения к нему со стороны народа. Народ был охвачен гневом. А сторонники Клеохара, получивши власть, стали править тираннически, полагая таким путем избежать справедливого суда за убийство Леониппа. (3) В то же время Цензорин, наварх римлян, везя на пятнадцати триерах лагерь римлян хлеб с Боспора, пристал близ Синопы. Сторонники Клеохара и Селевка, выйдя навстречу *неприятелю на синопских триерах под командованием Селевка*, вступают в сражение. Они побеждают италов и отнимают у них себе в качестве добычи купеческие корабли. (4) Друзья Клеохара возгордились этим успехом и стали еще более тираннически править городом, производя убийства граждан без суда и в остальном будучи очень жестоки. (5) Однако *между Клеохаром и Селевком произошли раздоры*: первый хотел продолжать войну, а Селевк предлагал уничтожить всех синоццев и предоставить город за большое вознаграждение римлянам. Но ни один из замыслов не получил осуществления, и тайно они отправляли свое имущество, нагрузив его на купеческие корабли, к Махару, сыну Митридата, который был в это время в Колхиде.

LIV. В это время Лукулл, полководец римлян, подошел к городу и крепко осадил его. Махар, сын Митридата, отправил к Лукуллу послов о дружбе и союзе. Последний милостиво принял послов, заявив, что он будет считать крепким договор, если тот не будет отправлять продовольствие синоццам. И он не только исполнил приказанное, но даже и то, что было приготовлено послать митридатовцам, отоспал Лукуллу². (2) Видя это и окончательно отчаявшись, сторонники Клеохара нагрузили корабли многочисленными богатствами и, отдав город на разграбление солдатам (все это делалось под покровом ночи), на судах бежали во внутренние области Понта (местности, где обитали санеги и лазы), а оставшиеся корабли сожгли. (3) Когда пламя разгорелось, Лукулл понял, в чем дело, и велел ставить к стене лестницы. Его солдаты стали перелезать через стены; и вначале была великая резня; но из чувства жалости Лукулл прекратил убийства. Таким образом, была взята и Синопа; Амасия же еще сопротивлялась, но вскоре и она перешла на сторону римлян.

LV. Проведя год и восемь месяцев в пределах Армении, Митридат еще ни разу не был представлен Тиграну. Когда же Тигран, устыдившись, допустил его к себе (ἐπεὶ δὲ Τιγράνης ἐδυσωπήθη εἰς θέαν αὐτὸν καταστῆσαι), он встретил его с блестящей роскошью и принимал по-парски. В течение трех дней он тайно беседовал с ним, а затем, доказав свое расположение к нему блестящими пиршествами, дал десять тысяч конницы и отправил в Понт³.

¹ О Клеохаре упоминает Страбон, XII, 545.

² Plut., Luc., 24; App., Mithr., 83.

³ Лето 69 г. до н. э. Ср. Plut., Luc., 22. Ср. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, 107. Следует отметить неточность перевода Я. А. Манандяна: в тексте совершенно ясно сказано, что «Тигран, устыдившись, допустил его к себе»; между тем Я. А. Манандян переводит: «И когда Тигран попросил, чтобы Митридат пришел повидаться с ним...»; δυσωπέομαι — «стыдиться(ся)» «быть смущенным».

LVI. Лукулл вступил в Каппадокию и, будучи в дружбе с правившим ею Ариобарзаном, вопреки ожиданиям, перешел вброд Евфрат и подвел войско к городу, в котором, как он знал, охранялись наложницы Тиграна и множество сокровищ. Одних он оставил для осады Тигранокерта, а другое войско направил для осады наиболее значительных пунктов. (2) И когда, таким образом, во многих частях Армения подверглась нападению, Тигран послал к Митридату, призывая его, а войско свое отправил в город, в котором он поместил наложниц. Очутившись на месте, воины с помощью обстрела закрыли все выходы из лагеря римлян и в течение ночи отправили из города наложниц и наиболее ценные из сокровищ. (3) Когда же наступил день и римляне вместе с фракийцами храбро бросились против врага, произошла большая резня армениев и не меньшее число, чем было убитых, попало в плен. И только то, что было отослано вперед, благополучно прибыло к Тиграну¹.

LVII. Последний, собрав восьмидесяттысячное войско, выступил с тем, чтобы вырвать Тигранокерту² из охватывавших ее бедствий и отразить врагов³. Поспешив и видя небольшой лагерь римлян, он обратился к ним со спесивыми речами, говоря что если они прибыли как послы, то их пришло слишком много; если же как враги—очень мало. И, сказав это, он разбил тут же свой лагерь. (2) Лукулл искусно и старательно подготовился к битве и, воодушевив своих подчиненных, тотчас обращает в бегство правый флаг, за ним дрогнули ближайшие ряды, а потом и все остальные⁴. Какая страшная и неудержимая паника охватила армениев и соответственно этому произошла гибель многих людей. Возложив на сына диадему и знаки власти, Тигран бежит в одну из своих крепостей⁵. Лукулл же пошел к Тигранокертом и еще более решительно стал осаждать их. Находившиеся в городе стратеги Митридата, отчаявшись во всем, передали город Лукуллу ради своего спасения⁶.

LVIII. Придя к Тиграну, Митридат ободрял его. Он облачил его в царскую одежду, не хуже той, которую тот носил обычно, и советовал, имея и сам немалую силу, собрать народ, чтобы опять отвоевать победу. Тот же поручил все Митридату, признавая его превосходство в доблести и уме, как обладавшему большей силой в войне против римлян. (2) Сам же он отправил послов к парфянину Фрадату с тем, что он отдаст ему Месопотамию, Адиабену и Мегалы Авлоны⁷. Когда же пришли к парфянину и послы от Лукулла, он, с одной стороны, прикинулся, что является другом и союзником римлян, сделав то же самое и в отношении армениев.

LIX. Котта, как только прибыл в Рим, был почен сенатом именем понтийского императора за то, что он взял Гераклею. А когда в Рим пришла весть, что он ради собственных выгод уничтожил столь большой город,

¹ Ср. А р р., Mithr., 85. О ценности сведений Мемнона см. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, 105—106.

² В подлиннике также то множественное, то единственное число.

³ О численности армянских войск ср. Р и т., Luc., 26; А р р., Mithr., 85. По Я. А. Манандяну, Тигран Второй и Рим, 117, следует отдать предпочтение цифрам, которые сообщают нейтральные малоазиатские авторы, т. е. Мемнон и Флегонт. Ср. Phleg., 12 (FHG, III, 606).

⁴ 6 октября 69 г. до н. э.

⁵ О сражении при Тигранокерте см. Р и т., Luc., 27—28; А р р., Mithr., 85. См. Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим, 112—131.

⁶ Ср. А р р., Mithr., 86; Р и т., Luc., 29. И тот и другой считают, что падение Тигранокерты было обусловлено изменой греческих наемников (Аппиан) или просто греческого населения (Платон).

⁷ Страбон, XI, 14, 15. О посольстве Тиграна в Парфию см. А р р., Mithr., 87.

народ возненавидел *его*. К тому же он вызвал зависть столь громадным богатством. Из-за этого *он*, стараясь отразить зависть к *своему* богатству, многое из добычи внес в казну римлян, однако *этим* никакого не сделал их более мягкими, пока они не заставили *его* из многоного оставить себе немногое. Сейчас же было постановлено и отпустить пленных из Гераклеи. (2) Один из жителей Гераклеи Трасимед обвинил Котту в комитиях и рассказал о расположении города к римлянам, добавив, что если в чем-нибудь они отклонились от этого, то это произошло не по желанию города, но или из-за обмана кого-либо из правителей, или из-за насилия противников. Он оплакивал сожжение города и все, что уничтожил огонь. Говорил он и о том, как Котта захватил статуи и сделал их добычей, разграбил храмы и натворил многое другое, прия в ярость; описал он также неисчислимое количество золота и серебра, принадлежавшего городу, и другие богатства Гераклеи, которые *тот* присвоил. (3) Когда же Трасимед со стоном и слезами сказал это и вызвал сострадание к *своему* горю у гегемонов¹ (ведь на собрание пришло множество пленных, мужи с женами и детьми, в траурных одеждах, протягивая с плачем молитвенные ветви), Котта, выйдя навстречу им, произнес несколько слов на родном языке, затем сел. Поднялся Карбон: «Мы, о, Котта,— сказал он,— поручили тебе взять город, а не разорить *его*». После него и другие таким же образом обвиняли Котту. Многим казалось, что Котта достоин изгнания; однако, умерив свое недовольство, они лишили его сенаторства. Гераклеотам же они возвратили их страну, море и гавани и вынесли закон, что никто из них не должен порабощаться.

LX. Совершив это, Трасимед отправил большинство людей на родину; сам же вместе с Бритагором и Пропилом (Пропил же был сыном Бритагора), оставшись еще на некоторое время, устроил остальные неотложные дела. Через несколько лет он прибывает в Гераклею с тремя нагруженными кораблями. Возвратившись же, он всеми средствами пытался вновь заселить город, призывая к возрождению его. (2) Однако, предпринимая все, он добился лишь того, что собрались едва восемь тысяч жителей вместе с челядью. Бритагор, когда город уже возрос, взымел надежду возвратить народу свободу. Так как прошло много лет и власть у римлян уже сосредоточилась в руках одного человека—Гая Юлия Цезаря, он отправился к нему. (3) Вместе с ним в качестве послов явились и некоторые другие из знати, в том числе и сын его Пропил. Узнанный Цезарем, а затем завязав с ним более близкую дружбу, Бритагор получил кое-какие обещания; однако на первый раз он не смог добиться возвращения свободы, так как Гай находился не в Риме, а в других местах. Однако Бритагор не прекратил своих попыток, но сам, и Пропил с ним, ездил с Цезарем по всему свету и старался быть у него на глазах, чтобы, заметив его упорство, император удовлетворил его просьбу. (4) Двенадцать лет длилась эта близость, пока Цезарь не задумал возвратиться в Рим, а Бритагор не умер, изнуренный старостью и постоянными трудами, причинив великую скорбь отечеству. На этом кончается и XVI книга истории Мемнона.

(5) В целом же сочинение это — разумное и написанное сжато, но не игнорирующее, конечно, ясности, избегающее отступлений, кроме как если где-либо какая-нибудь необходимость не заставляла автора присоединить к рассказу и нечто, находящееся вне задуманной темы. Однако оно[т. е. сочинение] не отклоняется на долго в сторону этого отступ-

¹ В данном случае подразумеваются знатнейшие из римлян.

лении, но, упомянув самое необходимое, быстро снова обращается к положенной с самого начала в основу его мысли. (6) И словами оно [т. е. сочинение] пользуется обычными, хотя кое-где, *правда*, редко, они и выпадают из стиля. О первых же 8 книгах истории и тех, которые были после шестнадцатой, мы ничего не имеем сказать, так как мы их не видели.

